

Суровень Д.А.

ПРОБЛЕМА ПЕРИОДА “ВОСЬМИ ПРАВИТЕЛЕЙ” И РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА ЯМАТО В ЦАРСТВОВАНИЕ МИМАКИ (ГОСУДАРЯ СУДЗИНА)

Борьба за престол в Ямато началась сразу после смерти основателя этого государства – правителя Дзимму [316 год испр.хрон.]¹. Борьба развернулась между линией наследования детей из Кюсю (от Ахира-химэ – старший сын, Тагиси-мими) и детей от линии правителей Идзумо (от Химэ-тата-и-судзу-химэ – Каму-я-ви-мими и Каму-нуна-каха-мими)² [Нихон-сёки, св.4-й, Суйдзэй; Nihongi, IV, 2–4; Кодзики, св.2-й, Суйдзэй; Кодзики, св. 2-й, государь Суйсэй; Kojiki, II, LII, LV]³.

Хотя “Нихон-сёки” утверждают, что Каму-нуна-каха-мими (будущему Суйдзёю) было 48 лет, когда умер Дзимму, вряд ли это было так. Иначе непонятно, почему вполне взрослый мужчина считался неготовым к управлению страной, а это дело было поручено гораздо более старшему брату Тагиси-мими, которому, если исходить из традиционной хронологии источника, должно было быть около ста лет⁴. В ходе исследований автору удалось найти множественные ошибки в счете лет по 60-летнему циклу, которые давали сложную переплетенную картину искажений в хронологии “Нихон-сёки”. Отец Дзимму – Хйко-нагиса должен был жить в первой половине III века н.э, так как, по мнению многих исследователей, события Восточного похода происходили в конце III в. н.э. Большинство ученых, основываясь на анализе археологического материала, культурологических данных и подробностях похода в изложении “Нихон-сёки” и “Кодзики”, датируют завоевание Кинай людьми из Кюсю рубежом III–IV вв. н.э., но не ранее⁵. Если принять за точку отсчета 51-й год цикла – год начала восточного похода Дзимму, в который он ушел в возрасте 45 лет [Нихон-сёки, св.3-й, год “киноэ-тора”(51-й); Nihongi, III, 2], то первый год похода будет приходиться на 294-й год, а год рождения Дзимму – на 249-й [испр.хрон.]. По “Нихон-сёки”, Дзимму в возрасте 15 лет был объявлен наследником правителя общины [испр. хрон. 264-й год]. Следовательно, в 264-м году Хйко-нагиса-такэ должен был ещё жить. По

¹ См.: Суровень Д.А. Основание государства Ямато и проблема Восточного похода Каму-ямато-иварэ-бико // Историко-юридические исследования российского и зарубежных государств. Екатеринбург, 1998. С.175–198.

² Мими – титул, который упоминается в китайских источниках при характеристике системы управления в общине-государстве Тоума-го (яп. Тома-куни) на Кюсю, обозначавший главное должностное лицо в этой гражданской общине [Вэй-чжи (вожэнь-пу), цзюань 30, л.256 (2а), 3; Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл.30, Во, Тоума-го] (китайский текст источника в книге: Хасимото Масукити. Тоё-си-дзё-ёри-митару нихон-дзё-ко-си-кэнкю. Токио, 1956; русский перевод в книге: Кюнгер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С.243–250.); см.: Сакамото Таро. “Вэйчжи-вожэнь-цзюань”-дзацукю// Кодайси-кэнкю: яматай-коку. Токио, 1956. С.134; Суровень Д.А. Возникновение раннерабовладельческого государства в Японии (I в. до н.э. – III в. н.э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 1995. С.165. Примечательно то, что данная гражданская община располагалась где-то в Южном Кюсю – как раз там, откуда выходцами являлись сам Дзимму и его родственники по первой жене.

³ Цитируемые источники: Нихон-сёки// Кокусси-тайкэй. Токио, 1957, Т.I. Ч.1–2; Кодзики. Токио, 1968, Т.1–2; Кодзики: Записи о деяниях древности. СПб., 1994, Т.1–2; Нихон-сёки: Анналы Японии. СПб.: Гиперион, 1997; Kojiki: Records of ancient matters/ transi. by B.H.Chamberlain. Tokyo, 1982; Nihongi: Chronicles of Japan from the earliest times to A.D.697/ transl. by W.G.Aston. London, 1956.

⁴ По традиционной японской хронологии Тагиси-мими действовал между 667 и 585 годами до н.э., причем в 667 году, когда Дзимму отправился в поход, Тагиси-мими был уже совершеннолетним (условно – около 20 лет): 667–585 + 20 = 102 года.

⁵ См.: Арутюнов С.А. Дзимму-тэнно: мифический вымысел и историческая реконструкция// Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975. С.10; Светлов Г. Путь богов. М., 1985. С.15; Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С.108, 65; 106; Ясумото Битэн предлагает следующие годы для Дзимму: 271–311 гг. н.э. – см.: Воробьев М.В. Указ. кн.. С.28.

“Нихон-сёки”, Восточный поход Дзимму длился шесть лет: с 51-го по 57-й годы цикла. В конце III в. н.э. период с 51-го по 57-й годы цикла приходится на 294–300 годы⁶. Как указывают исследователи, именно в период с 294 по 300 годы в “Самкук-саги” никаких упоминаний о японцах нет, именно в период с 295 по 300 годы (по “Самкук-саги”) прекращаются набеги “*вожэнь*” (японцев) на Корею⁷. Таким образом, хотя в корейских источниках прямых указаний на время Восточного похода Дзимму нет, тем не менее, по всей видимости, косвенное указание обнаруживается⁸. Кроме того, если учесть результаты “ревизии хронологии” “Нихон-сёки”, то Суйдзэй был рожден в браке, заключенном в год “*каноз-сару*” (57-й год цикла) [300 г. испр.хрон.], и в 13-й год цикла, когда умер Дзимму [316 г. испр. хрон.], Суйдзэю должно было быть 14–15 лет от роду. В таком случае становится понятно, почему управление страной оказалось в руках самого старшего сына Дзимму – Тагиси-мими-но микото, “который был уже по годам более старшим”⁹ и имел длительный [опыт] в делах управления [государством]. Поэтому он был назначен заниматься делами [управления]” [Нихон-сёки, св.4-й, Суйдзэй; Nihongi, IV, 2]. Причем в “Нихон-сёки” к нему применен титул “правитель”, “государь” (кит. *ван*, др.-яп. *кими*). Для укрепления своего политического положения Тагиси-мими вступил в брак со своей мачехой – Химэ-тата-и-сукэ-ёри-химэ, второй женой Дзимму, представительницей рода правителей Идзумо [Кодзики, св.2-й, Суйдзэй; Kojiki, II, LII]. Такая ситуация сохранялась до года “*цутиното-у*” (16-го года цикла) [319 г. испр. хрон.], когда подростки сводные братья Каму-я-ви-мими и Каму-Нуна-каха-мими решили захватить власть. “Кодзики” и “Нихон-сёки” сообщают также о том, что Тагиси-мими также намеревался убить своих соперников в борьбе за трон, но этот замысел (по “Кодзики”) выдала своим детям Химэ-тата-и-сукэ-ёри-химэ. Братья поспешили с выполнением своих замыслов, и Каму-куна-каха-мими убил правителя и захватил власть, вступив на трон в год “*каноз-тацу*” (17-й год цикла) [320 г. испр.хрон.] [Нихон-сёки, св.4-й, Суйдзэй; Nihongi, IV, 2-4; Кодзики, св.2-й, Суйдзэй; Kojiki, II, LII].

Здесь мы подошли к очень важной в историографии Японии проблеме “восьми правителей” (после Дзимму). В этом порядке, как они указаны в источниках, это: Суйдзэй, Аннэй, Итоку, Косё, Коан, Корэй, Когэн, Кайка.

Ситуация с данными “восемью правителями” до Судзина по источникам выглядит следующим образом. Во-первых, эти “восемь правителей” упоминаются в “Кодзики” и “Нихон-сёки” (отдельный – 4-й свиток на всех восьмерых, что сразу бросается в глаза – такая ситуация для “Нихон-сёки” не характерна; обычно один свиток – это один правитель, искл. Сэйму и Ритю-Хансё). В “фудоки” (то есть в местных сказаниях) о них ничего нет. Во-вторых, как указывают все исследователи, “восьми правителям” отведен “баснословно древний и длительный период”¹¹ (с 585 г. до н.э.), охватывающий около 450 лет (на 8 поколений)¹². Причем “сами эти жизнеописания”, по мнению М.В.Воробьева, “теряют

⁶ См.: Цыбульский В.В. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии. М., 1987. С.91–92.

⁷ Арутюнов С.А. Указ.соч. С.10; Воробьев М.В. Указ.соч. С.109.

⁸ См. также: Суровень Д.А. Основание государства Ямато и проблема Восточного похода Каму-ямато-иварэ-бико. С.180.

⁹ О ревизии хронологии см.: Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. М., 1980. С.23, 24, 27, табл.4; Nihongi, Pt 1, P.247, note 1; P.249, note 3; P.251, note 6; P.252, note 1; P.253, note 1,2; P.256, note 1; P.257, note 6; P.262, note 5; P.263, note 3; P.265, note 1; P.267, note 6; Young J. The Location of Yamatai. P.95; 96; table 2; Wedemeyer A. Japanische Frühgeschichte (bis 5 Jh.n.). S.6,99,105; Reischauer R.K.Early Japanese history. P.77-78; Хасимото Масукити. Тоё-си-дзё-ёри-митару нихон-дзё-ко-си-кэнкю. С.856–859.

¹⁰ Тагиси-мими присутствовал в год “*киноз-тора*” (57-й год цикла) [294 г. испр. хрон.] [Nihongi, III, 3-4; Нихон-сёки, св.3-й, Дзимму, год “*киноз-тора*”; Кодзики, св.2-й, Дзимму; Кодзики, св.2-й, государь Дзимму; Kojiki, II, XLIV] на совете, решавшем вопрос о Восточном походе, когда ему должно было быть около 20 лет отроду. В 13-й год цикла [316 г. испр. хрон.], то есть через 22 года, Тагиси-мими должен был быть в возрасте около 42 лет.

¹¹ Воробьев М.В. Указ.соч. С.107.

¹² History of the empire of Japan. Tokyo, 1893. P.25.

определенность и остатки фактологичности, не говоря уже о том, что самих императоров и фактов их деятельности просто “не хватает” на отведенное им время”¹³. В “Кодзики” дается лишь одна генеалогия. В “Нихон-сёки” события сводятся к нескольким пунктам: 1) год вступления на трон; 2) объявление “Великой императрицей” супруги умершего правителя; 3) похороны предшественника; 4) назначение “императрицы” (главной жены правителя); 5) назначение наследника; 6) год смерти; причем все “восемь правителей” аккуратно укладываются в эту схему, охватывая от 4 до 6 вышеуказанных пунктов. На это обращали внимание исследователи еще конца XIX–начала XX века: “При описании царствований этих императоров история Японии упоминает только места их столиц, названия дворцов, имена ближайших родственников и не содержит описания хода событий, за исключением самых незначительных указаний...”¹⁴. В этом плане выделяются правление Суйдзэя (описание борьбы за власть при вступлении на трон) и правление Корэй (по “Кодзики” – при нем произошло покорение Кибэ [Кодзики, св.2-й, Корэй; Кодзики, государь Корэй; Kōjiki, II, LX]). В связи с этим историки конца XIX в. вынуждены были оговаривать легендарность передаваемых ими сведений о данном периоде истории Японии¹⁵.

В историографии возникли три точки зрения на проблему “восьми правителей”: первая, традиционно-официальная, в той или иной степени признавала реальность данных правлений. У этого направления есть позднее ответвление, представители которого пытались внести коррекцию в хронологию. Согласно второй точке зрения, эти “восемь правителей” имеют какую-то реальную основу, хотя ситуация в “Кодзики” и “Нихон-сёки” изложена искаженно. Третье направление – направление гиперкритицизма, представители которого отрицают какую-либо реальность периода “восьми правителей”, считая их “вставными” правителями, то есть никогда не существовавшими. Эти “восемь правителей”, по мнению гиперкритицистов, были дописаны позже составителями “Кодзики” и “Нихон-сёки” в начале VIII века, чтобы покрыть хронологический разрыв между Дзимму и Судзином.

Как нам кажется, отпадают как первая (традиционно-официальная), так и третья (гиперкритическая) точки зрения в силу крайности своих позиций. Конечно, нельзя признать существование династии в I тыс. до н.э., когда, судя по археологическому материалу, древнеяпонское общество находилось в условиях первобытности, но нельзя бросаться и в другую крайность, все отрицая и считая позднейшей выдумкой составителей-обманщиков, руководствовавшихся каким-то “злым умыслом”. Если бы это был обман, то его увидели бы и раскрыли их современники и потомки. Кроме того, как видно из текста “Нихон-сёки”, ее авторы широко пользовались какими-то историческими сочинениями (до нас не дошедшими), на которые составители постоянно ссылаются: “в одной книге сказано”, “в одном [толковании] сказано” и т.д. и т.п. В связи с этим, очевидно, какая-то реальная основа у периода “восьми правителей” есть: эти люди (“восемь правителей”) в силу каких-то причин (исторических, генеалогических) имеют связь с домом правителей Ямато IV–V веков н.э. Другое дело, как это интерпретировано в источниках.

В главных (основных) версиях “Кодзики” и “Нихон-сёки” “восемь правителей” представлены как последовательная линия “императоров”, сменявших друг друга на троне без каких-либо проблем и затруднений [Нихон-сёки, св.4-й, Суйдзэй-Кайка; Nihongi, IV, 1–17; Кодзики, св.2-й, Суйдзэй-Кайка; Кодзики, св.2-й, государь Суйсэй – государь Кайка; Kōjiki, II, LV–LXII]. Но в альтернативных и некоторых главных версиях, указания на которые есть в тексте самой хроники “Нихон-сёки”, и в хронике “Кодзики” есть момент,

¹³ Воробьев М.В. Указ.соч. С.107.

¹⁴ См.: Костылев В.Я. Очерк истории Японии. СПб., 1888. С.15; Murdoch J. A history of Japan. Yokohama, 1910, V. 1. P.53; Кодзики. Т.2. С.4.

¹⁵ См., например: Воробьев М.В. Указ.соч. С.107.

который настораживает. В источниках в качестве жен первых шести правителей из этой “восьмерки” (с Суйдзэя до Корэя) названы женщины из рода “владыки округа *Сйки*” по имени Хаэ (др.-яп. Паз¹⁶; Хае¹⁷); причем, видимо, это был очень влиятельный человек, если в источниках сохранилось его личное имя (яп.на).

Если собрать все эти сведения вместе, то вырисовывается следующая картина: при Дзимму “владыкой округа” *Сйки* был назначен Ото-*сйки* (досл. “Младший [из] *Сйки*”), имевший личное имя Куро-Хая (др.-яп. Куро-Пая; досл. по иероглифам: “Черная быстрота”) [Нихон-сёки, св.3-й, Дзимму, 3-й год пр.; Nihongi, III,33]; сын Дзимму – Судзэй вступил в брак с Каха-мата-бимэ – дочерью “владыки округа *Сйки*” (то есть Ото-*сйки* Куро-Хая [?]) (по “Нихон-сёки”); Каха-мата-бимэ была прародительницей первой линии рода *Сйки*-но агата-нуси, старшим братом которой (то есть жены Суйдзэя) был Хае (по “Кодзики”) [Нихон-сёки, св.4-й, Судзэй, 2-й год пр., 1-й месяц; Nihongi, IV, 4; Кодзики, св.2-й, Судзэй, Аннэй; Кодзики, св.2-й, государь Суйсэй, государь Аннэй; Kojiki, II, LV,LVI].

Аннэй (2-й правитель), Косё (4-й) и Коан (5-й) были женаты на дочерях того же самого Хае, а Итоку (3-й) на племяннице (или внучке¹⁸) Хае по имени Идзуми-химэ (по одной из версий “Нихон-сёки”); или вариант: Ихн(би)-химэ (другое имя: Фүто-ма-вака-химэ) – родоначальнице второй ветви *Сйки*-но агата-нуси, дочери Фүто-ма-вака-хйко – “владыки округа” *Сйки* (яп. *Сйки*-но агата-нуси) [Нихон-сёки, св. 4-й, Аннэй, Итоку, Косё, Коан; Nihongi, IV, 5-10; Кодзики, св. 2-й, Аннэй, Итоку, Косё, Коан; Кодзики, св.2-й, государь Аннэй, государь Итоку, государь Косё, государь Коан; Kojiki, II, LVI-LIX]. Сын Коана – Корэй (6-й) был женат на двух сестрах из рода Хае по имени Хае-иронэ и Хае-ирото (досл. “старшая сестра [из рода] Хае” и “младшая сестра [из рода] Хае”) (по генеалогии “Кодзики”: внуки *Сйки*-цу-хйко – сына Аннэя, прижизненное имя которого (Аннэя) звучало как *Сйки*-цу-хйко-тама-дэми; в обоих случаях “*Сйки*-цу-хйко” означает “знатный человек / принц *Сйки*”). Эти девушки – “праправнучки” Хае (по генеалогии “Кодзики”), видимо, были женщинами из боковой линии рода *Сйки*-но агата-нуси. Кроме того, Корэй также был женат на Хосо-бимэ – дочери О-мэ, “владыки округа” *Сйки*.

В этой ситуации, если исходить из полученной генеалогии рода Хае, Аннэй (*Сйки*-цу-хйко-тама-дэ-ми), Итоку, Косё и Коан должны были жить в одно время, так как были женаты на женщинах одного поколения, и, видимо, в то самое время, что и Суйдзэй, который был женат на младшей сестре Хае. Вероятно, то же самое можно сказать и о Корэе.

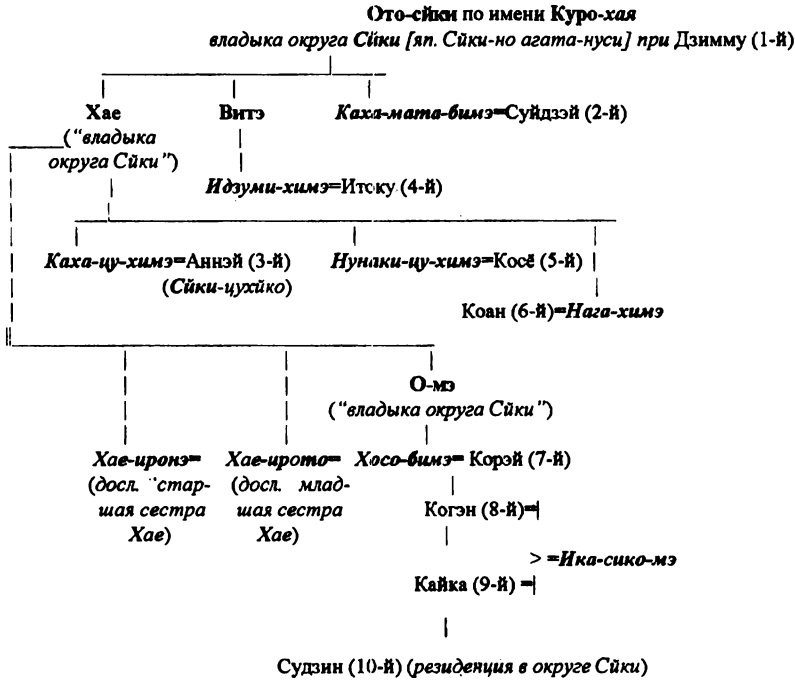
То есть мы сталкиваемся с такой ситуацией, когда люди, жившие в одно время, были размещены составителями исторических сочинений в хронологической последовательности (чтобы заполнить временной отрезок, образовавшийся в связи с удревнением хронологии правления Дзимму). Подобная ситуация наблюдается в называемых “Царских списках” в Шумере¹⁹. По этой причине авторами “Кодзики” и “Нихон-сёки” эти люди были представлены как “восемь правителей” одной генеалогической линии. Но при этом данная схема приходит в противоречие с генеалогией рода Хае: так, например, Косё, будучи мужем дочери Хае, оказывается (по матери) сыном внуки Хае и правнуком самого Хае, а (по отцу) также внуком дочери Хае и правнуком младшей сестры Хае (то есть правнуком и праправнуком Хае) – но при этом являясь зятем самого Хае. Систематизируем эти сведения в генеалогической таблице:

¹⁶ Нихон-сёки: Анналы Японии. Т.1. С.198–201.

¹⁷ Nihongi. Pt.1. P.142–145.

¹⁸ Иероглифический текст позволяет сделать и тот и другой варианты перевода.

¹⁹ История древнего Востока: Месопотамия. М., 1983. Ч.1. С.163–167.

Еще в конце XIX века некоторые исследователи высказывали сомнения в том, что "восемь правителей" наследовали трон в порядке, указанном в "Кодзики" и "Нихон-сёки"²⁰.

Если использовать "исправленную" хронологию²¹, то время деятельности "восьми правителей" должно укладываться в период между 13-м годом цикла (годом смерти Дзимму) [316 г. испр. хрон.] или годом "каноз-тацу" (17-й год цикла) (годом захвата власти Суйдзэем) [320 г. испр. хрон.] и годом "киноэ-сару" (21-й год цикла) (годом прихода к власти Судзина) [324 г. испр. хрон.]. То есть на всех восьмерых приходится всего девять лет, причем пять из них приходится на правление Тагиси-мими и борьбу за власть с ним Суйдзэя, а четыре – на остальных семерых "монархов".

Может быть несколько вариантов толкования причин, почему "восемь правителей" были внесены в генеалогию и династию Ямато:

1) Судзин (10-й правитель), названный в "Нихон-сёки", "Кодзики" и "Хитати-фудоки" "первоправителем страны" (так же как и Дзимму), и его сын Суйнин размещали свои "дворцы" в Сйки (Судзин там же и похоронен), а шесть из "восьми правителей" были женаты на женщинах из рода "владыки округа" Сйки – может быть, "восемь правителей" были указаны в "Нихон-сёки" и "Кодзики" как предки Судзина в генеалогии, но реально они не правили²². Подобную ситуацию мы наблюдаем на Древнем Востоке в "Царских списках" в отношении династии Ларсы²³.

2) Возможно, после прихода к власти Суйдзэя [320 г. испр. хрон.] "восемь правителей" участвовали в борьбе за власть, на короткий период захватывали власть, но долго не правили (поэтому в источниках нет сведений о их деятельности – одна генеалогия), быстро сменяли друг друга на троне, поэтому их "правления" уложились в период четырех лет.

²⁰ См., например: History of the empire of Japan. Tokyo, 1893. P.25.

²¹ См. примечания в начале статьи.

²² Ср.: История древнего Востока: Месопотамия. Ч.1. С.292, 317, 489.

²³ Там же. С.317.

Примечательно, что “Нихон-сёки”, за исключением Суйдзэя и Аннэя (и явно вставленной фразы о возрасте Кайка²⁴), ничего не сообщает о возрасте “правителей” на момент смерти²⁵.

3) После смерти Дзимму [316 г. испр. хрон.] борьба за власть привела к распаду территории нового государства на части, в которых “восемь правителей” выступали самостоятельными владетелями, правившими в одно время (размещены составителями “Нихон-сёки” в генеалогической последовательности).

Можно попытаться (по сведениям “Кодзики” и “Нихон-сёки”) определить локальную привязку “восьми правителей” по данным о местах захоронения и расположения дворцов: а) первые четыре правителя (Дзимму, Суйдзэй, Аннэй и Итоку), видимо, были представителями одной родовой группы, так как дворец и место захоронения Дзимму, а также захоронения последующих трех “правителей” располагались около горы *Унэби*; видимо, этот район был чем-то вроде “фамильного” места захоронения данной группы; б) но по месторасположению “дворца” они отличаются, и по этому признаку можно выделить линию, идущую от Суйдзэя (дворцов *Кадзураки*) – Суйдзэй, Косё, Коан; в) другая линия идет от Итоку (дворцы в *Кару*) – Итоку, Когэн; г) обособленно стоит Корэй, женатый на женщине из боковой линии рода Хае (дворец в провинции Харима в селе *Куроода*) и связанный с покорением Киби.

Из “восьми правителей”, царствовавших после Дзимму, наиболее заметным (по “Кодзики”) являлось правление Корэя, предпринявшего, впервые после Дзимму, попытку расширения территории Ямато. Сыновья Корэя от двух сестер из рода Хае: О-киби-цу-хйко (“Великий принц Киби”) или “Принц великой Киби”) и Вака-такэ-киби-цу-хйко (“Юный [и] Храбрый принц Киби”)²⁶, собираясь в поход на Киби и выступая из Харима (видимо, из “дворца” Корэя: в селе Курода в уезде Тако, около реки Како²⁷) по старому обычаю в месте начала экспедиции, “перед рекой Хи в Харима” (река Како[?]), установили священные кувшины для *сакэ* (зарыв их на уровне земли) как жертвоприношения различным богам и богу дорог²⁸. Поход, организованный против общины Киби, завершился покорением этого раннегосударственного объединения [Кодзики, св.2-й, Корэй; Kojiki, II, LX]. Вероятно, тогда имена сыновей Корэя, возглавлявших войска, были изменены на имена, содержащие – по названию захваченной территории – элемент “*Киби-цу хйко*” (“Принц Киби”) (по “Кодзики” и “Нихон-сёки” сначала их имена звучали как Хйко-и-са-сэри-хйко и Вака-такэ-хйко соответственно) [Нихон-сёки, св.4-й, Корэй, 2-й год пр., 2-й месяц; Nihongi, IV, 12; Кодзики, св.2-й, Корэй; Kojiki, II, LX]. Завоеватели осели на новых землях, дав начало многим кланам в Киби: О-киби-цу-хйко стал предком Киби-но каму-цу-мити-но оми; Вака-хйко-такэ-киби-цу-хйко – первопредком Киби-но оми (по «Нихон-сёки»), или Киби-но сймо-цу-мити-но оми, и Каса-но оми [Нихон-сёки, св.4-й, Корэй, 2-й год пр., 2-й месяц; Nihongi, IV, 12; Кодзики, св.2-й, Корэй; Kojiki, II, LX].

Кроме того, топоним *Киби* присутствует в имени старшего брата Корэя – О-Киби-но моро-сусуми, причем Корэй (по одной из версий “Нихон-сёки”) был рожден Нага-химэ, одной из дочерей Хае, от Коана, “японское” имя которого – Ямато-тараси-хйко Куни-оси-бито, где элемент «*куни-оси-бито*» Б.Х. Чэмберлэйн переводит как “великий человек *куни* (общины)”²⁹. Корэй и О-Киби-но-моро-сусуми были рождены одной матерью, но в “Нихон-

²⁴ В “Нихон-сёки” возраст Суйдзэя – 84 года (в “Кодзики” – 45 лет), Аннэя – 57 лет (в “Кодзики” – 49 лет), Кайка – 115 лет (в “Кодзики”).

²⁵ В “Кодзики” сообщается, что на момент смерти Суйдзэя было 45 лет, Аннэю – 49 лет, Итоку – 45 лет, Косё – 93 года, Коану – 123 года, Корёю – 106 лет, Когэну – 57 лет, Кайка – 63 года. Возрасты, приводимые в “Кодзики”, кажутся более близкими к истине, чем в “Нихон-сёки”.

²⁶ См.: Kojiki. P.197, note 11; P.198, note 15.

²⁷ См.: Древние фудоки. М., 1966. С.289.

²⁸ См.: Kojiki. P.198, note 16, 19, 20.

²⁹ Kojiki. P.193, note 6.

сёки” старший брат Корэя не упоминается [Кодзики, св.2-й, Коан; Kojiki, II, LIX; Нихон-сёки, св.4-й, Коан, 26-й год пр.; Nihongi, IV, 10]. Имя О-Киби-но-моро-сусуми переводится Б.Х. Чэмберлэйном как “он, кто полностью продвинулся (вперед) в Великое Киби”³⁰. В связи с тем, что старший брат Корэя в упоминании о завоевании Киби в “Кодзики” не фигурирует и нет его в “Нихон-сёки”, Мотоори Норинага ещё в XVIII веке предположил, что данное имя лишь еще одна форма именования Хйко-и-са-сэри-хйко (О-Киби-цу-хйко)³¹.

И последнее, что касается завоевания Киби: в “Кодзики” есть фраза, в которой говорится, что братья-завоеватели сделали Харима «входом/ “ртом” (яп.кути) дороги» (яп.мити-но кути) [Кодзики, св.2-й, Корэй; Kojiki, II, LX]. Исследователи дают несколько вариантов толкования этого предложения: 1) “рот дороги” толкуется как “пункт отъезда”³²; 2) древнеяпонское “дорога” (яп.мити) употреблялось еще в значении “округ, область, провинция” (ср.: Коси-но мити-но кути, Коси-но мити-но нака, Коси-но мити-но сире), и тот район, который был ближе к столице, обозначался термином “мити-но кути” (досл. “рот дороги”). В этом случае выражение приобретает смысл “начало округа”³³, или “округ, ближайший по дороге (из резиденции правителя)”. В связи с этим некоторые ученые предполагают, что вся фраза говорит об установлении территориального деления “дорог-округов” от Харима до Киби³⁴. В подтверждение этому можно привести ситуацию с кланами, основателями которых стали завоеватели: от О-Киби-цу-хйко – клан Киби-но каму-цу-мити-но оми, где каму-цу мити дословно означает “верхняя дорога”; от Вака-такэ-киби-цу-хйко – клан Киби-но симо-цу мити-но оми, где симо-цу мити – “нижняя дорога”. Здесь термин мити употреблен в значении “округ/область”³⁵.

Как видно из рассмотренной выше аргументации, есть все основания предполагать, что “восемь правителей”, возможно, были представителями нескольких генеалогических линий (может быть, боковых ответвлений царского рода), участвовавших в борьбе за власть и в связи с этим “попавших в историю” как претенденты на власть и важные лица в генеалогии знатных кланов³⁶.

Проблема “восьми правителей” в историографии в подобном аспекте не рассматривалась исследователями. Но если внимательно проанализировать косвенный материал, содержащийся в источниках, обнаруживаются очень весомые основания для того, чтобы предполагать очень упорную борьбу за трон, которая в подобных ситуациях в других странах принимала часто очень кровавые формы. Дело в том, что, несмотря на то, что составители “Кодзики” и “Нихон-сёки” стремились представить наследование власти внутри рода правителей как наследование от отца к сыну, тем не менее при внимательном анализе материала источников вырисовывается иная картина: наследование престола при первых правителях Ямато было связано с матрилинейным принципом³⁷.

Действие данного принципа отчетливо прослеживается в обществе *вожэнь* (I–III века н.э.) (правительницы Бимиху и Июй на Северном Кюсю; см.: [Вэй-чжи (-вожэнь-пу), цзюань 30, л.27а(46), 1–2; 286 (6а), 7–8; Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл.30, Во; Бимиху,

³⁰ Kojiki. P.197, note 11.

³¹ См.: Ibid.

³² См.: Ibid. P.198, note 20.

³³ См.: Ibid.

³⁴ См.: Ibid.; Уэда М., Мори К., Ямада С. Нихон-кодай-си. С.168.

³⁵ См.: Kojiki. P.198, note 21; P.199, note 22.

³⁶ В “Кодзики” в разделах о “восьми правителях” представлена разветвленная генеалогия предков знатных кланов, происходивших от этих “монархов”; может быть, необходимость включения “восьми правителей” в источники определялась и потребностями фиксации генеалогии.

³⁷ Особенно это заметно в “Нихон-сёки”, где обязательно указывается главная жена – “императрица”, и в начале разделов о правителях всегда указываются сведения о матери – представительницей какого рода она является.

Июй))³⁸, но принцип матрилинейности наследования власти обнаруживается и в царском роду Ямато, причем еще задолго до основания самого государства Ямато.

Еще дед Дзимму – Хйко-хо-хо-дэми, захватив территории в Химука, вступил в брак с дочерью местного правителя Тоё-тама-хйко – женщиной по имени Тоё-тама-химэ. Сын Хйко-хо-хо-дэми от этого брака (отец Дзимму) вступил в брак с младшей сестрой матери (то есть своей теткой с материнской стороны) по имени Тама-ёри-химэ, родившей четырех детей, в том числе Ицу-сэ и Дзимму. О брачных связях Ицу-сэ по источникам ничего не известно, но по матрилинейному принципу он должен был вступить в брак с женщиной из рода правителя Тоё-тама-хйко. Дзимму был младшим – в силу этого его шансы на власть были невелики, поэтому он в Химука вступил в брак с женщиной из рода *кими* (местного правителя) в Ата – Ахира-цу химэ. Правда, и прабабка Дзимму Ата-цу химэ была родом из Ата³⁹. Но после того как судьба сделала его главой переселенцев в Центральном Хонсю и основателем нового государства и новой династии в Ямато, Дзимму, чтобы укрепить свои права на власть, вступает в брак с женщиной из рода местных правителей по имени И-сукэ-ёри-химэ (или И-судзу-химэ) [Нихон-сёки, св.2-й, 3-й; Nihongi, II–III; Кодзики, св.2, Дзимму; Кодзики, св.2-й, государь Дзимму; Kojiki, II, LI].

После смерти Дзимму разворачивается борьба за власть между Тагиси-мими и Суйдзэем. Первое, что делает Тагиси-мими, – вступает в брак со своей мачехой И-судзу-химэ [Кодзики, св.2-й, Дзимму; Kojiki, II, LII]. После победы над Тагиси-мими Суйдзэй опять же первым делом берет в жены женщину из рода своей матери – свою тетку (младшую сестру матери) по имени Исудзу-ёри-химэ [Нихон-сёки, св.4-й, Суйдзэй, 2-й год пр.; Nihongi, IV, 4]. Рожденный в этом браке Аннэй (по главной версии “Нихон-сёки”) опять же ведет себя очень примечательно. Он берет в жены Нуна-соко-нака-цу-химэ – племянницу жены Дзимму и Тагиси-мими, являвшейся также племянницей жене Суйдзэя (т. е. супруга Аннэя была дочерью брата этих двух сестер – жен первых монархов) [Нихон-сёки, св.4-й, Аннэй, 3-й год пр.; Nihongi, IV, 5-6]. Итоку (по главной версии “Нихон-сёки” – отпрыск Аннэя от Нуна-соко-нака-цу-химэ), ни в чем не нарушая традиции, вступает в брак с женщиной из рода своей матери – внучкой Нуна-соко-нака-цу-химэ (дочерью своего единоутробного брата, то есть со своей племянницей) по имени Ама-тоё-цу-химэ [Нихон-сёки, св.4-й, Итоку, 2-й год месяц; Nihongi, IV, 7]. На этом женская линия обрывается, но что здесь примечательно: Дзимму, Суйдзэй, Аннэй и Итоку составляют группу правителей, чьи курганы-могилы располагались около горы *Унэби*, как я предполагаю, фамильного места захоронения данной родовой группы.

Отдельные матрилинейные линии составляют Косё – Коан, женщины из рода *Охари-но мурадзи*: бабка (жена Косё) и ее внучка (племянница и жена Коана) [Нихон-сёки, св.4-й, Косё, Коан; Nihongi, IV, 9, 10; Кодзики, св.2-й, Косё-Коан; Kojiki, II, LVIII, LIX]. Причем эта же линия выделяется (от Суйдзэя) по месторасположению своих “дворцов” в *Кадзураки*.

Опять же обособленно стоит Корэй, связанный с Киби и живший во “дворце” в *Куроода* в Харима, но женатый на Хосо-бимэ – дочери О-мэ, “владыки округа” *Сйки* (видимо, главной линии рода Хае) и двух сестрах Хае-иронэ и Хае-ирото (видимо, боковой линии рода Хае) [Нихон-сёки, св.4-й, Корэй, 2-й год пр.; Nihongi, IV, 12].

Отдельную матрилинейную линию составляют Когэн, Кайка, Судзин. Главной женой (“императрицей”) Когэна была Уцу-сйко-мэ, которая в “Нихон-сёки” названа предком (женщиной!) рода *Ходзуми-но оми*. Второй, неглавной женой (кит. *фэй*; яп. *хи* – “принцесса;

³⁸ См.: Суровень Д.А. Возникновение раннерабовладельческого государства в Японии (I в. до н.э. – III в. н.э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. М.: Магнитогорск, 1995, Вып.2. С.160–161, 169–170.

³⁹ См. об этом: Суровень Д.А. Основание государства Ямато и проблема Восточного похода *Каму-ямато-иварэ-бико*. С.177.

второстепенная жена”⁴⁰) Когэна являлась дочь старшего брата “императрицы” – Уцу-сйко-во (то есть племянница “императрицы”) по имени Ика-сйко-мэ (по “Кодзики”)⁴¹ [Нихон-сёки, св.4-й, Когэн, 7-й год пр.; Nihongi, IV, 14; Кодзики, св.2-й, Когэн; Kojiki, II, LXI]. Кайка (по традиционной версии – сын Когэна и Уцу-сйко-мэ) сделал свою мачеху Ика-сйко-мэ (и одновременно свою двоюродную сестру – племянницу матери) главной женой (“императрицей”). В этом браке был рожден Судзин (10-й) (прижизненное имя которого Мимаки-ири-хйко И-ниэ) [Нихон-сёки, св.4-й, Кайка, 6-й год пр.; Nihongi, IV, 16; Кодзики, св.2-й, Кайка; Kojiki, II, LXII]. Судзин (Мимаки-ири-хйко) своей главной женой (“императрицей”) сделал женщину по имени Мимаки-химэ (по “Кодзики” – Мимацу-химэ), в отношении которой “Нихон-сёки” и “Кодзики” утверждают, что она дочь О-хйко (сына Уцу-сйко-мэ, то есть внучка Уцу-сйко-мэ) [Нихон-сёки, св.5-й, Судзин, 1-й год пр.; 2-й месяц; св.6-й, Суйнин; Nihongi, V, 1; VI, 1; Кодзики, св.2-й, Судзин; Kojiki, II, LXIII]. Но дело в том, что в генеалогии О-хйко упомянуты только два сына, и никакой Мимаки-химэ, или Мима-цу-химэ, нет [Кодзики, св.2-й, Когэн; Kojiki, II, LXI]. Зато в генеалогии Кайка “потерянная” Мимацу-химэ обнаруживается: она была дочерью Кайка и его мачехи и одновременно его главной жены по имени Ика-сйко-мэ и родной сестрой(!) Мимаки-ири-бико (Судзина) [Кодзики, св.2-й, Кайка; Kojiki, II, LXII]. Видимо, составители “Кодзики” и “Нихон-сёки”, не зная, как интерпретировать (с их точки зрения – постыдный) факт инцеста между родными братом и сестрой, придумали вариант со старшим братом Кайка – О-хйко – в этом случае Мима-цу-химэ оказывалась кузиной Судзина, и все выглядело “прилично”.

Некоторые исследователи (например, Н.И. Конрад) давно отмечали данную матрилинейность, но считали ее пережитками матриархата: 1) род правителей Ямато имеет родоначальницей богиню Аматаэрасу; род Сарумэ-но кими (“правительниц” Сарумэ), являвшихся жрицами⁴², – Амэ-но удзумэ (досл. “Небесную Взволнованную Женщину”) [Kojiki, I, XXXIII]; среди спутников Ниниги из пяти человек двое были женщинами – родоначальницами родов⁴³; 2) одна линия “владык округа” Сйки восходит к женщине Каха-мата-бимэ [Kojiki, II, LX], другая линия – к женщине Футо-ма-вака-химэ [Kojiki, II, LVII]; род Ходзуми-но оми – тоже к женщине Уцу-сйко-мэ [Nihongi, IV, 15] и т.д.; 3) следы матрилинейного рода обнаруживаются при анализе некоторых имен, в которых родство определяется не по отцу, а по матери⁴⁴; так, Аннэя звали Сйки-цу-хйко-тама-дэ-ми, где “Сйки-цу-хйко” означает “принц Сйки”⁴⁵, так как его мать Каха-мата-бимэ была из рода Сйки-но агата-нуси [Кодзики, св.2-й, Суйдзэй; Kojiki, II, LV]; сына Аннэя тоже звали Сйки-цу хйко [Kojiki, II, LVI]; 4) по генеалогии царского рода многие его представители были женаты на своих мачехах, тетках, племянницах, двоюродных или сводных сестрах и т.д. Н.И. Конрад объясняет это так, что “если тогда существовал материнский род, то это были браки с женщинами из другого рода”⁴⁶.

Но если вспомнить, что уже у *вожэнь* в I–III веках н.э. существовала патриархальная полигамная семья (мужчина-патриарх и 2–5 жен [Вэй-чжи (-вожэнь-пу), цзюань 30, л.26а (36), 10; 266 (4а), 1; Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл.30, Во]), и в “Кодзики” и “Нихон-сёки” в генеалогии упоминают семьи, во главе которых стоял один мужчина и было несколько жен

⁴⁰ См.: Большой китайско-русский словарь. М., 1983. Т.2. С.437–438; *Фельдман-Конрад Н.И.* Японско-русский учебный словарь нероглифов. М., 1977. С.170.

⁴¹ По “Нихон-сёки” она была из рода (яп.удзи) Мононобэ.

⁴² Kojiki. P.134, note 33.

⁴³ См.: *Конрад Н.И.* Японская литература. М., 1974. С.112; *Конрад Н.И.* Древняя история Японии// Избранные труды: История. М., 1974. С.19, 17, 18.

⁴⁴ *Конрад Н.И.* Древняя история Японии. С.18.

⁴⁵ Kojiki. P.189, note 4.

⁴⁶ *Конрад Н.И.* Древняя история Японии.. С.19.

(семьи правителей Ямато и представителей знатных кланов). Следовательно, причина не в пережитках матриархата, а в чем-то другом.

Ситуация, когда правители вступали в браки со своими тетками, племянницами, сестрами и т.п. (и это было характерно только для царского рода), на Древнем Востоке хорошо известна в Египте и Хеттском государстве⁴⁷. Как показали исследования ученых, подобное положение складывается на самых ранних этапах возникновения государства в связи с борьбой правителя против ограничения их власти органами управления общины (прежде всего советом знати), то есть политической борьбой за власть, которая принимает форму борьбы вокруг вопроса о престолонаследии.

Первоначально наследование в Египте и у хеттов шло по матрилинейному принципу – это было связано с тем, что права на трон мужчина получал, вступая в брак с жрицей-правительницей. В результате этого клан правителя оказывался организован по принципу материнского рода: дети по матери власти не имели, так как считались боковой ветвью, а власть должна была переходить или к племяннику правителя (сыну сестры, наследовавшей титул своей матери-жрицы), либо к брату (по матери), либо к дяде (брату матери).

В этой ситуации верховная власть в государстве была привилегией только членов клана правителя – представители других кланов на власть претендовать не могли. Но в данной ситуации внутри “царского” клана, кроме вышеуказанных кандидатов на трон, могли претендовать и другие члены правящего клана: сын правителя, брат жены правителя (шурин), зять правителя (муж дочери – наследницы титула жрицы), внук правителя (сын дочери – наследницы титула жрицы). А если на троне оказывался брат или сын жрицы, то к претендентам добавлялись племянник правителя, муж сестры правителя, внук сестры правителя, зять сестры правителя.

При отсутствии определенной очередности их права у всех были одинаковы, следствием чего неизбежно являлась кровавая борьба претендентов: каждый старался уменьшить число соперников самым простым способом – убив.

Такая ситуация была очень выгодна общинной знати: во-первых, знать выбирает правителя (в совете знати); во-вторых, если кто-нибудь вступит в брак с жрицей-правительницей или ее дочерью – наследницей титула, то он может претендовать на трон.

В борьбе матрилинейного и патрилинейного принципа в ситуации с жрицей-правительницей патрилинейный принцип побеждает только в случае, если устанавливается порядок наследования трона сыном правителя от жрицы-правительницы и лишь при отсутствии его – мужем дочери-наследницы титула жрицы-правительницы. В Древнем Египте и Древнехеттском государстве победил именно такой принцип⁴⁸. Политическая борьба общинной знати и правителя завершилась победой патрилинейного принципа, но в своеобразной форме – матрилинейность осталась, но оказалась завуалирована: внутри дома правителя власть переходила от отца к сыну главной жены монарха, а если такого нет, то к сыну другой из женщин (жен) правителя. В этой ситуации, однако, сын-наследник являлся одновременно племянником отца (если правитель вступал в брак с сестрой) или зятем своего предшественника (при браке с другими представительницами женской линии наследования). Причем это было характерно только для царствующего дома. При таком порядке дом правителя получал следующие выгоды: 1) полностью исключалась возможность вмешательства в престолонаследие со стороны знати; 2) невозможно было оспорить права сына правителя на трон.

⁴⁷ См.: Шиллюк Н. Ф. История древнего мира: Древний Восток. Свердловск, 1991. С.92–94.

⁴⁸ Там же. С.93–94.

Таким образом, данная ситуация с наследованием власти являлась компромиссом между матрилинейным и патрилинейным принципами в борьбе за власть монарха против общинной знати⁴⁹.

Как правило, во многих странах, пока не окреп патрилинейный принцип, правители назначали наследника при жизни, чтобы не возникало споров о правах между сыновьями после смерти отца.

Судя по материалам источников, аналогичная вышеописанной ситуация в области престолонаследия сложилась в I–III веках на Кюсю у *вожэнь* (Северный Кюсю) и в Химука (в “колонии *вожэнь*” – откуда выходцем был Дзимму). Подобный же принцип передачи власти, видимо, существовал и в Центральной Японии (в Ямато): это прослеживается в браках первых правителей со своими мачехами, тетками, племянницами и сестрами – этим обеспечивались их права на трон. “Нихон-сёки” особо подчеркивает линию главной жены (“императрицы”), выделяя ее родственные связи и происхождение (в отличие от неглавных, второстепенных жен); как правило, только сыновья главной жены наследовали трон. Кроме того, правители Ямато для усиления принципа патрилинейности еще при жизни назначали наследником одного из сыновей главной жены, чтобы попытаться избежать их столкновения в борьбе за власть после своей смерти.

Таким образом, подводя итог рассмотрению историографической проблемы “восьми правителей” в истории Японии, необходимо выделить следующие моменты: после того как Дзимму, основав в Центральной Японии новое государство и новую династию, скончался в 13-й год цикла [316 г. испр.хрон.], в стране развернулась, видимо, упорная борьба за власть (отражением чего являются сюжеты о Тагиси-мими и Суйдзэе), в которую, как можно предполагать, включилось несколько кланов знати. Представители этих кланов (фрагментарный материал о которых был в распоряжении составителей “Кодзики” и “Нихон-сёки”), как участники борьбы за власть, может быть, на короткое время захватывавшие трон правителей Ямато, были включены в источники как монархи, царствовавшие между Дзимму и Судзином.

Если суммировать сведения о первых правителях, то вырисовывается следующая картина. После смерти Дзимму “восемь правителей” являлись вторым поколением в государстве Ямато, из которых Суйдзэй, Аннэй, Итоку, Косё, Коан и несколько обособленно – Корэй были связаны родством с домом владык округа Сйки (*Сйки-но агата-нуси*). Среди первых правителей четко выделяются четыре группы (по следующим признакам: родство с домом *Сйки-но агата-нуси*, женская линия родства, место захоронения и место дворца): 1) Дзимму, Тагиси-мими, Суйдзэй, Аннэй, Итоку, принадлежащие к одной женской линии родства и имеющие одно фамильное место захоронения около горы *Унэби*; 2) Косё, Коан, принадлежащие к другой женской линии и базирующиеся в *Кадзураки* (там же, где и Суйдзэй); 3) по всем признакам обособленно стоит Корэй, связанный с завоеванием Кибии и живший в *Куроода* (пров. Харима) и чья генеалогия представляет собой очень ветвистое “дерево”; 4) последняя линия: Когэн, Кайка, Судзин (и далее до Сэйму – Тюоя) – представляет наибольший интерес, так как от нее пошла линия правителей второй четверти IV в. н.э. [испр.хрон.].

По традиционной версии Когэн (прижизненное имя О-Ямато-нэ-ко-хйко Куни-куру – досл. “принц – корень(суть) великого Ямато, [по прозвищу] Предводитель Страны *Куни*”) был последним отпрыском в царском роду от женщины из рода “владык округа” *Сйки*. Отцом Когэна считается Корэй (7-й) (прижизненное имя О-Ямато-нэ-ко-хйко Фүто-ни – досл. “принц – корень(суть) великого Ямато, [по прозвищу] Огромная Драгоценность”). Генеалогия Когэна, благодаря обширным брачным связям, так же велика, как и генеалогия

⁴⁹ См.: Там же. С.94.

Корэя. От Когэна ведется генеалогия рода Такэути-но сүкунэ и его ответвлений (Кадзураки, Сога и др.). Но с Когэна начинается новая женская линия, связанная с представительницами рода *Ходзуми-но оми*: главной женой ("императрицей") стала Уцу-сйко-мэ (женщина-предок рода *Ходзуми-но оми*), а неглавной женой – племянница "императрицы" Ика-сйко-мэ [Нихон-сёки, св.4-й, Когэн, 7-й год пр.; Nihongi, IV, 14; Кодзики, св.2-й, Когэе; Kojiki, II, LXI].

Следующий представитель этой линии Кайка (прижизненное имя: Вака-Ямато-нэ-ко-хйко Фүто хихи – досл. "молодой принц (вака-хйко) – корень (суть) Ямато, [по прозвищу] Великого Солнца Свет") для того, чтобы получить права на власть, вступил в брак со своей мачехой Ика-сйко-мэ, сделав ее главной женой ("императрицей") (сам он по традиционной версии считается сыном главной жены Когэна) [Нихон-сёки, св.4-й, Кайка; Nihongi, IV, 16; Кодзики, св.2-й, Кайка; Kojiki, II, LXII]. Генеалогия Кайка очень обширна. Достаточно сказать, что к Кайка возводится род Окинага-тараси-химэ (Дзингу), будущей правительницы Ямато. Фактически основная масса кланов знати Ямато восходит к Когэну и Кайка. Оба этих правителя, по всей видимости, выступают и реальными предшественниками Судзина (правителя Мимаки) – нового объединителя Ямато и "первоправителя страны", как он назван в "Нихон-сёки", "Кодзики" и "Хитати-фудоки" [Нихон-сёки, св.5-й, Судзин, 12-й год пр.; 9-й месяц; Nihongi, V, 15; Кодзики, св.2-й, Судзин; Kojiki, II, LXVII; Хитати-фудоки, уезд Касима].

С правителя Мимаки (Судзина) начинается новый этап в истории государства Ямато, связанный с консолидацией режима под властью данного монарха.

Персона десятого монарха Ямато – Мимаки-ири-бико (Судзина) вызывает особый интерес исследователей, так как он резко выделяется в источниках после "немногословного" периода "восьми правителей"⁵⁰: во-первых, количеством материала в "Кодзики" и "Нихон-сёки"; в "фудоки" же именно с Мимаки начинаются упоминания событий, связанных с династией Ямато⁵¹; во-вторых, в источниках он (как и Каму-ямато-иварэ-бико (Дзимму) в "Нихон-сёки") назван "первоправителем страны"⁵² (но Каму-ямато-иварэ-бико (Дзимму) не упоминается в "фудоки", то есть в местных сказаниях); в-третьих, в комментариях к "Кодзики" именно с Мимаки начинаются циклические обозначения "годов кончины" (яп. *хонэн*) правителей⁵³; в-четвертых, в его правление происходит очень много важных событий, приведших к укреплению государственности; в-пятых, с него в "Нихон-сёки" начинается "цитирование" императорских указов – "*микото-нори*" [Нихон-сёки, св.5-й, Судзин, 4-й год пр.; Nihongi, V, 2–3]; в-шестых, само прижизненное имя Судзина – Мимаки-ири-бико⁵⁴ – вызывает много споров и различных предположений у ученых; в-седьмых, при нем устанавливаются дипломатические отношения с Имна (владением в Южной Корее).

⁵⁰ См.: Конрад Н.И. Древняя история Японии. С.29; Конрад Н.И. Япония: народ и государство. Пг., 1923. С.60.

⁵¹ Исключение может составлять правитель Омимацухйко, упоминаемый в "Харима-фудоки" [Харима-фудоки, уезд Сикама], отождествляемый с Мимацухйко (см.: Древние фудоки. М., 1969. С.251, 248, 74). Имя Мимацу-хйко носил один из "восьми правителей" – Косё [Нихон-сёки, св.4-й, Косё; Нихон-сёки: Анналы Японии, св.4-й, Небесный повелитель Мимату-лико-кавэси-из-но сумэра-микото. Государь Кёсэй; Nihongi, IV, 8–9; Кодзики, св.2-й, Косё; Кодзики, св.2-й, государь Кёсё; Kojiki, II, LVIII]. Ссылки на цитируемые источники: Нихон-сёки// Кокуси-тайкэй. Токио, 1957, Т.1, Ч.1–2; Кодзики. Токио, 1968, Т.1–2; Кодзики: Записи о деяниях древности. СПб., 1994, Т.1–2; Нихон-сёки: Анналы Японии. СПб., 1997. Т.1; Kojiki: Records of ancient matters/ transl. by B.H.Chamberlain. Tokyo, 1982; Nihongi: Chronicles of Japan from the earliest times to A.D.697/ transl. by W.G.Aston. London, 1956; Jinno-shotoki// Kitabatake Chikafusa. A chronicle of gods and sovereigns: Jinno-shotoki/ transl. by Paul Varley. NY., 1980.

⁵² См.: Конрад Н.И. Древняя история Японии. С.29; Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С.65; Кодзики. Токио, 1968, Т.2. С.4; Ямао Ю. Нихон-кодай-окэн-кэйсэй-то-рон. Токио, 1983. С.180; Мори К. Нихон-синси. Токио, 1962. С.115; Ishii R. A history of political institutions in Japan. Tokyo, 1980. P.7–8.

⁵³ Кодзики. Т.2. С.14; Хиго К. Ямато-то-ситэ-но яматай// Кодай-си-кэнкю: Яматай-коку. Токио, 1956. С.12–13; Хиго К. Оджин-Нинтоку-рё-тё-дзацугэн// Нихон-рёкэйси, 1963, №184. С.3.

⁵⁴ Полное имя – Мимаки-ири-бико Иниве.

Исходя из этого, многие японские исследователи, особенно после второй мировой войны, когда исчезло давление официальной идеологии⁵⁵, а также и некоторые европейские исследователи стали считать Мимаки, опираясь на его обозначение в источниках как “первоправителя страны”, первым реальным правителем государства Ямато, объединившим Центральную Японию под своей властью⁵⁶. В силу этого реальной историей были признаны события, начиная с правления Мимаки (Судзина)⁵⁷. То, что ему предшествовало, не бралось в расчет или вовсе отбрасывалось как выдумка или искажение реальной истории (увязывая это с борьбой во второй половине VII века и “Смутой годов *Дзинсин*” [яп. *дзинсин-но ран*])⁵⁸.

И если выводы о ситуации с “восемью правителями”, видимо, имеют под собой какое-то основание⁵⁹, то возникала проблема с Восточным походом Каму-ямато-иварэ бико (Дзимму): как быть с данными событиями? Ряд исследователей предложил такой выход: отождествить Дзимму и Судзина, а отсюда следовал вывод, что Восточный поход был совершен не Дзимму, а Судзином⁶⁰.

Подобным предположениям способствовал пересмотр хронологии истории Древней Японии, когда ученые установили, что Ямато возникло на рубеже III–IV веков, а Мимаки (Судзин) должен был править во второй половине III – начале IV веков⁶¹. И прежде всего этому способствовало указание в средневековом комментарии к “Кодзики” (1258 года) на то, что год смерти Мимаки приходится на год “*цутиноэ-тора*” (15-й год цикла)⁶². Этот год во второй половине III – начале IV века н.э. приходится на 258 или 318 год⁶³, из которых наиболее приемлемой оказывалась вторая дата (318-й год), совпадающая со временем образования Ямато (рубеж III–IV веков)⁶⁴.

Но проблема заключается в том, что предлагаемая в “Кодзики” хронология относится к XIII веку и связана не с авторами “Кодзики”, а с поздними комментаторами этого исторического труда⁶⁵. Если же исходить из циклических обозначений “Нихон-сёки”, то начало правления Мимаки приходится на год “*киноэ-сару*” (21-й год цикла), выпадающий в начале IV века на 324-й г. Видимо, этот год и следует признать реальным началом правления Мимаки [324–331 гг. испр.хрон].

Таким образом, вырисовывается следующая картина: после периода борьбы за власть, последовавшей после смерти Дзимму [316 г. испр.хрон.], борьбы периода “восьми правителей” [316–324 гг. испр.хрон.], к власти пришел представитель боковой женской линии (от “неглавной” жены), не связанной с домом *агата-нуси* (владык округа) *Сйки*, по имени Ми-

⁵⁵ См., например: *Уэда М., Мори К., Ямада С.* Нихон-кодай-си. Токио, 1980. С. 167.

⁵⁶ См.: Там же. С. 167–168; Нихон-но акэбоно. Токио, 1959. С. 56, 103; *Ямао Ю.* Указ.соч. С. 180, 182; *Ishii R.* Op.cit. P. 7–8; Japan: its land, people and culture. Tokyo, 1958. P. 17; *Воробьев М.В.* Указ.соч. С. 65; *Конрад Н.И.* Древняя история Японии. С. 29; *Obayashi T.* The origins of Japanese mythology // Studies on ancient Japanese history. Tokyo, 1977. P. 19–20.

⁵⁷ Japan: its land... P. 17.

⁵⁸ См.: *Наоки К.* Тайка-дзэндай-но кэнкю-хо-ни цуйтэ // Сигаку-дзасси. 1955. Т. 64. № 10. С. 68.

⁵⁹ См. ранее рассмотренное в работе.

⁶⁰ *Ishii R.* Op.cit. P. 7–8; Japan: its land... P. 28; см. Нихон-но акэбоно. С. 103.

⁶¹ См.: Нихон-но акэбоно. С. 56, 103; *Ямао Ю.* Указ.соч. С. 182; *Ishii R.* Op.cit. P. 7–8; *Воробьев М.В.* Указ.соч. С. 65 (см. также с. 23); *Конрад Н.И.* Указ.соч. С. 29; *Hashimoto M.* Ancient Japan studied in the light of Far Eastern history // *Хасимото М.* Тоё-си-дзё-ёри-митару нихон-дзё-ко-си-кэнкю. Токио, 1956. С. 7.

⁶² См.: *Хиго К.* Ямато-то-сйтэ-но яматай-коку. С. 12–13; *Кодзики*, Т. 2. С. 14; см. также: Japan: its land... P. 17.

⁶³ См.: Там же; *Ishii R.* Op.cit. P. 7–8; см.: *Воробьев М.В.* Указ.соч. С. 23.

⁶⁴ О реконструкции хронологии см.: *Суровень Д.А.* Основание государства Ямато и проблема Восточного похода Каму-ямато-иварэ-бико. С. 176, 180–183, 195; *Суровень Д.А.* Проблемы царствования в Ямато правителя *Икумэ*// Античная древность и средние века. Екатеринбург, 1998. С. 193–194; *Суровень Д.А.* Корейский поход *Окинагата-раси-химэ* (правительницы *Дзингу*)// Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 1998. Вып. 5. С. 160–167.

⁶⁵ *Хиго К.* Ямато-то-сйтэ-но яматай-коку. С. 12–13.

ма-ки-ири-бико, восстановивший контроль над Центральной Японией и проводший реформы, укрепившие Ямато.

Он впервые, после Дзимму, после периода “безвластия” реально правил страной, за что получил (как и Дзимму) прозвище Впервые Правивший Страной. С него началась новая династия, в силу чего в “фудоки” (где был собран материал из местных преданий и местных письменных источников) Мимаки открывает череду монархов Ямато⁶⁶.

При вступлении на престол жена Мимаки и одновременно его родная младшая сестра Мимаки-химэ (которая на этот момент уже успела родить пятерых детей [Нихон-сёки, св.5-й, Судзин, 1-й год пр., 2-й месяц; Nihongi, V,1]) была назначена главной женой (“императрицей”, кит.хоу, яп.кйсаки). И что еще примечательно: хотя женская линия родства Мимаки не связана с домом агата-нуси округа Сйки, тем не менее Мимаки после восшествия на трон перенес свою резиденцию (“столицу”) в Сйки, видимо, чтобы опереться на поддержку влиятельных кланов Сйки [Нихон-сёки, св.5-й, Судзин, 3-й год пр., 9-й месяц; Nihongi, V, 2] (см. также: [Кодзики, св.2-й, Судзин; Kojiki, II, LXI–II]). По случаю восшествия на престол и переезда во дворец Мидзугаки был провозглашен указ правителя (яп. микотонори), в котором упоминались заслуги императорских предков, особо подчеркивалось то, что власть Мимаки унаследована от своих предков и он будет продолжать их дела, и он призывал всех знатных сановников (сановную знать – кит.чин, яп.кэй) и всех служилых людей (кит.ляо, яп.рё:цукаса) объединить усилия в установлении мира и спокойствия в Поднебесной [Нихон-сёки, св.5-й, Судзин, 4-й год пр., 10-й месяц; Nihongi, V, 2–3].

Эта речь очень хорошо совпадает с предположением, что Мимаки пришел к власти после периода борьбы. Видимо, с последствиями этой борьбы связаны и несчастья, которые описаны в начале правления Мимаки: страну постиг мор (эпидемия), от которой умерло более половины населения; в стране люди бродяжничали, и были мятежи, бунты и измены [Нихон-сёки, св.5-й, Судзин, 6-й год пр.; Nihongi, V,3]⁶⁷. В мирной стране, подвластной многие поколения династии спокойно сменявших друг друга правителей, такого быть не должно (см. также: [Кодзики, св.2-й, Судзин; Kojiki, II, LXIV]).

В “Кодзики” эти несчастья расцениваются как наказание О-куни-нуси, по “Нихон-сёки” – как наказание богов Небес и земли за то, что: во-первых, во дворце правителя в Великом зале осуществлялось поклонение (яп. мацуру) Аматаэрасу и Ямато-но О-куни-дама; во-вторых, не осуществлялось должным образом поклонение О-куни-нуси⁶⁸; в-третьих, происходило неправильное поклонение другим богам.

Как трактуют это место исследователи, беды были наказанием за то, что монарх жил во дворце, где находились “три священных регалии”, то есть “дворец” и “храм” не были разделены – мия был и жилищем бога (храмом)⁶⁹. Понятия “культ” и “управление” при этом полностью совпадали⁷⁰: яп. мацуригото – “управление”, досл. “совершение мацури/ праздничного обряда”⁷¹. Поэтому Мимаки приказал своей дочери поклоняться Аматаэрасу в селении Касануи (в Ямато), где он установил культовое место – “священную ограду”, т. е., по мнению ученых, перенес туда “три священные регалии”⁷². Кроме того, были назначены верховные жрецы (яп. каннуси) культов О-куни-нуси (сын жрицы и потомок О-куни-нуси – по

⁶⁶ “А во времена царствования “впервые правившего страной” царя Мимаки были преподнесены дары...” [Хитати-фудоки, уезд Касима] – Древние фудоки. С. 47.

⁶⁷ См. также: Конрад Н.И. Указ.соч. С.28; Исидо И. Синва то рэкйэн. Токио, 1960. С.24.

⁶⁸ См.: Миура Ё. Хадака-нихон-си. Токио, 1958. С.118.

⁶⁹ яп. мия – “[синтоистский] храм; [императорский] дворец”: Фельдман-Конрад Н.И. Японско-русский учебный словарь иероглифов. М., 1977. С.183.

⁷⁰ См.: Конрад Н.И. Указ.соч. С.27; Reischauer R.K. Early Japanese history. Princeton; London, 1937. P.116.

⁷¹ См.: Иофан Н.А. Культура древней Японии. М., 1974. С.83.

⁷² См.: Reischauer R.K. Op.cit. P.116; Ishii R. Op.cit. P.8; Japan: its land... P.28.

имени О-тата-нэ-ко – досл. “Господин Великого [святилища] Тата”⁷³) и Ямато-но О-куни-дама (сначала жрицей была тетка правителя Мимаки, жрецом стал мужчина по имени Нагаоти). Вдобавок ко всему было определено поклонение всем без исключения богам (небесным и земным). Для принятия решений по данному делу специально на равнине Ками-асати были собраны все правители ранга *‘кими* (кит.*ван*), сановная знать и все множество *‘бэ* (в источнике досл. “80 бэ”) [Нихон-сёки, св.5-й, Судзин, 6-9-й года пр.; Nihongi, V, 3-8; Кодзики, св.2-й, Судзин; Кодзики, св.2-й, государь Судзин; Kojiki, II, LXIV]. Видимо, людей было очень много, так как они собрались в поле, а не во дворце, который не вместил всех участников.

В результате теперь функции управления отделялись от культовых функций, но монарх сохранял функции верховного жреца⁷⁴. В связи с этим Мимаки определил для всех богов места их святилищ, а также “священные земли” и “священные дворы” (или “земли и дворы бога”) для храмовых хозяйств [Нихон-сёки, св.5-й, Судзин, 7-й год пр.; 11-й месяц; Nihongi, V, 7]. Как считает Р. Рэйшауэр, эти “священные дворы” (яп. *каму-ко*) относились к корпорации *Каму-бэ*, чей труд использовали на землях святилищ, а полученный продукт шел на содержание данных святилищ⁷⁵. Насколько позволяет судить материал источников, вышеуказанные мероприятия были неслучайны. Это была попытка объединения и упорядочения культов нового политического образования – Ямато (в религии, впоследствии получившей название *синто*) и определенный компромисс с общинной знатью (для чего ее и понадобилось собирать в Ками-асати), предстатели которой являлись жрецами этих культов и пользовались доходами от храмовых хозяйств. Таким образом, видимо, Мимаки удалось заручиться поддержкой знати в деле установления порядка в Центральной Японии и укрепления престижа своей власти монарха, в результате чего мир в Ямато был восстановлен⁷⁶.

Некоторые исследователи обнаруживают в политике Мимаки в культовой сфере и стремление сделать культ Аматаэрасу общегосударственным – не только царского дома, но и всех кланов (яп. *удэи*) Ямато⁷⁷. Значение всех этих событий, по мнению некоторых ученых, настолько велико, что они считают их событиями реального основания древнеяпонского государства⁷⁸.

При Мимаки продолжалось (фактически началось) расширение территории Ямато, в состав которой тогда входили территории Кинай (провинции Ямато, Ямасиро, Сэццу, Кавати и Идзуми⁷⁹): после установления “компромисса на равнине Ками-асати” с общинной знатью, проведения религиозно-политической и храмовой реформ и достижения мира в Центральной Японии правитель Ямато отправил в разные районы страны своих военачальников (кит.*цзянцзюнь*, яп.*сё-гун*; в историографии эти события получили название “полководцы четырех дорог”)⁸⁰. Были предприняты походы: 1) поход в северный регион Хоку-рику[-до], в округ Коси (северо-западный Хонсю), возглавил О-хёко (дядя Мимаки – брат Кайка и сын Когэна); 2) в Токай (досл. “Восточное море”, видимо, Токай-до – дорога на восток в Восточные провинции, или, как они названы в “Кодзики”, “12 округов на востоке”, северо-восточный Хонсю), отправился сын О-хёко (двоюродный брат Мимаки) по имени Такэ-нуна-каха-вакэ; 3) (в “Кодзики” не упомянут) в поход в Сайдо (досл. “Западная дорога” – в западный Хонсю, некоторые исследователи считают – в Кюсю) был послан

⁷³ Kojiki. P.216–217, note 6.

⁷⁴ См.: Конрад Н.И. Указ.соч. С.27.

⁷⁵ См.: Retschauer R.K Op.cit. P.117.

⁷⁶ См.: Конрад Н.И. Указ.соч. С.28.

⁷⁷ См., например: Ishii R. Op.cit. P.8.

⁷⁸ См., например: Japan: its land... P.28.

⁷⁹ Nihongi. Pt. 1, P.159, note 4.

⁸⁰ В “Кодзики” названы три полководца; см. также: Уэда М. и др. Указ.соч. С.167–168; Конрад Н.И. Указ.соч. С.28; Миура Ё. Хадака-нихон-си. С.116.

“покоритель Киби” – Киби-цу хйко (по традиционной генеалогии сын Корэя и сводный брат Когэна – дед Мимаки в боковой линии); 4) в провинцию Танива (или Тамба – к северу от Кинай – первоначальной территории Ямато) отправился Хйко-имасу, имевший титул *кими* (кит.*ван*) (сыш Кайка и сводный брат Мимаки), или, по версии “Нихон-сёки”, – его сын Тамба/Танива-но (ми)ти-но (н)уси, будущий “принц Танива” (Танива-но хйко). Думается, в походе на Киби участвовали оба военачальника, и в задачу Хйко-имасу входило убийство Кута-мими-но микаса, который был, судя по частице *мими*, представителем местной знати в Киби. В подтверждение полномочий военачальников командующим войсками “четырёх дорог” (четырёх направлений) были выданы печати с лентами и присвоено звание “полководца” (кит. *цзян-цзюнь*; яп. *сё-гун*; др.-яп. *икуса-но кими*) и было дано указание (яп. *микотонори* “императорский указ”) уничтожить неподчинившихся и “успокоить непокорный народ” [Нихон-сёки, св.5-й, Судзин, 10-й год пр.; 9-й месяц; Nihongi, V, 9; Кодзики, св.2-й, Судзин; Kojiki, II, LXVI; Jinno-shotoki, I, Sujin, 73].

Одному из военачальников – О-хйко – по пути в Коси, в области Ямасиро стало известно о заговоре и приговорах к войне сводного брата Мимаки (и в силу особенностей матрилинейных брачных связей — одновременно его же дяди) – Такэ-хани-ясу и его жены Ата-бимэ, живших в Ямасиро [Нихон-сёки, св.2-й, Судзин; Kojiki, II, LXII; Jinno-shotoki, I, Sujin, 73]. Исследователи рассматривают этот заговор как выражение сопротивления части местной знати, возглавленной Такэ-хани-ясу, объединению в Центральной Японии и гегемонии правителей Ямато, а также выражение борьбы внутри царского рода⁸¹. На наш взгляд, наиболее важен второй аспект, так как этот заговор был типичной формой борьбы за власть внутри царского дома, которую в своих интересах поддерживала местная знать. Объединившись вокруг Такэ-хани-ясу, она вела борьбу против объединения Центральной Японии под властью Ямато.

Мятежники рассчитывали на неожиданность и внезапность: они выступили двумя колоннами по двум разным дорогам, во главе одной армии стоял Такэ-хани-ясу; во главе другой, двигавшейся из О-сака, – его жена Ата-бимэ. Но момент внезапности уже был утрачен. Около О-сака войска Ата-бимэ были перехвачены армией (О)-киби-цу-хйко (другое имя – Исасэри-хйко, который еще, как и остальные «полководцы» [Нихон-сёки, св.5-й, Судзин, 10-й год пр., 10-й месяц; Nihongi, V, 14], не успел уйти в Западный Хонсю). Мятежники были уничтожены вместе с предводительницей [Нихон-сёки, св.5-й, Судзин, 10-й год пр., 9-й месяц; Nihongi, V, 11].

Командовать операцией против армии, выдвигавшейся из Ямасиро, Мимаки приказал О-хйко, в помощь которому был придан Хйко-куни-фёку из местности Вани в Ямато (предок клана Вани-но оми). Правительственное войско через проход Вани подошло к горе Нара, а затем вышло к реке Вакара в Ямасиро (к северу от провинции Ямато), где его на противоположном берегу уже ожидал Таки-хани-ясу со своей армией. Мятежник был убит в перестрелке выстрелом Хйко-куни-фёку (по версии “Кодзики” – в голову, по версии “Нихон-сёки” – в грудь), а мятежное войско было обращено в бегство и бежало на север до переправы Кусуба (в провинции Кахати), где воины были порублены правительственными войсками [Нихон-сёки, св.5-й, Судзин, 10-й год пр.; Nihongi, V, 12–13; Кодзики, св.2-й, Судзин, мятеж Хани-ясу-хико; Kojiki, II, LXVI].

Когда мятежники были разбиты, в Кинай установился мир, и “четыре полководца” были отправлены в походы [Нихон-сёки, св. 5-й, Судзин, 10-й год пр., 10-й месяц; Nihongi, V, 14]. О-хйко продолжил свой прерванный поход в Коси, где в местности Ахидзу соединился со своим сыном Такэ-нуна-каха-вакэ, и они завершили подчинение режиму

⁸¹ См., например: Конрад Н.И. Древняя история Японии. С.28; Воробьев М.В. “Нихонги” и общественные выступления в Японии: с древности и до конца VII века // Общественные движения и их идеология в добуржуазных обществах Азии. М., 1988. С.16.

Ямато той территории, куда они были посланы (Коси и 12 округов на востоке) [Кодзика, св. 2-й, Судзин; Kojiki, II, LXVII]. Но и после этого местное население продолжало сопротивление, и правителям древней Японии не раз еще приходилось организовывать карательные походы.

“Хйтати-фудоки” сохранили нам имена полководцев, которые, видимо, уже после О-хйко и его сына продолжали их политику на северо-востоке. Так, Мимаки отправлял в Адзума (восточные районы) Хинарасу «на подавление бесчинствующих разбойников *эбису* в Адзума» [Хитати-фудоки, уезд Ниибари]. Хинарасу был отцом будущего наместника (яп. *куни-но мияцукэ*) владения Ниибари (или общины – яп. *куни* ⁸²), занимавшего эту должность в правление О-тараси-хйко (Кэйко).

Особо прославился своими военными операциями Такэкаси (выходец с острова Кюсю – из области Хидзэн ⁸³, в связи с этим – представитель слоя служилых, так как он не происходил из знати Центральной Японии ⁸⁴). Такэкаси (предок наместника общины-куни Нака) “был послан на усмирение разбойников *нисимоно*, бесчинствовавших в пограничных районах восточных провинций. Этот князь, встав во главе войска, усмирал разбойников на [своем] пути...”. В Хйтати он расправился с двумя предводителями *кудзу* – Ясакаси и Яцукуси, которые, “пользуясь неосторожностью царских войск, оказывали сопротивление” и скрывались в укреплениях, построенных ими же. Такэкаси обманом удалось выманить *кудзу* из их укреплений, и “тогда Такэкаси приказал своей коннице занять их укрепления и отрезать им пути к отступлению. Его воины напали с тыла, взяли всех в плен, сожгли укрепления и уничтожили всех одновременно...” [Хитати-фудоки, уезд Намэката, деревни Итаку, Фуцуна, Ясукири, Эсаки].

На завоеванных территориях Мимаки начал создавать царские владения – *агата* ⁸⁵. “Хйтати-фудоки” сообщает, что “*агата* Цукуба в старину называется провинцией [куни-община. – Д.С.] Ки. Наместником провинции [куни. – Д.С.] Ки царь Мимаки [Судзин. – Д.С.] назначил Цукуба из рода Унэмэ-но-оми, который дал *куни* Ки свое имя – Цукуба [Хитати-фудоки, уезд Цукуба].

Ни “Кодзика”, ни “Нихон-сёки” не сообщают никаких подробностей и о походах других “четырех полководцев”. Известно лишь, что после подавления мятежа Такэ-хани-ясу, когда был восстановлен контроль за территорией Ямато, “полководцы четырех дорог” были немедленно отправлены по своим направлениям подчинять “свирепых дикарей” за пределами Кинай [Нихон-сёки, св. 5-й, Судзин, 10-й г. пр., 10-й месяц; Nihongi, V, 14]. Летом следующего года “полководцы четырех дорог” доложили государю об обстоятельствах умиротворения “дикарей” (яп. *хина/эбису*; кит. *и*), причем подробностей никаких нет. И только сообщается: “В этот год разные (чужие) простые [люди] в большом количестве подчинились [правителю Ямато]” [Нихон-сёки, св. 5-й, Судзин, 11-й г. пр.; Jinno-shotoki, I, Sujin, 73].

Но в “фудоки” сохранились кое-какие подробности подчинения при Мимаки северо-западной части острова Кюсю (который в то время не был подвластен Ямато ⁸⁶). “Хидзэн-фудоки” сообщает, что в Хи-но куни на горе Асакура, что в уезде Масики провинции Хи-номити-но-сири, жили два *цутикумо* – Утисару и Унасару. Под их началом было свыше ста

⁸² Позднее, в VII веке, эта *куни* была преобразована в уезд Ниибари провинции Хйтати, что говорит о небольших размерах данной территории, совпадающих с размерами территориальной соседской общины.

⁸³ Древние фудоки. С. 159, примеч. 13.

⁸⁴ Существует версия, что Такэкаси был сыном императора Дзимму; см.: Древние фудоки. С. 255.

⁸⁵ В примечаниях к “Хйтати-фудоки” указано, что *агата* в древнее время были владениями царского двора, а впоследствии превратились в административные единицы, управлявшиеся лицами, назначаемыми царским двором; *агата* были упразднены в середине VII века в связи с реорганизацией административной системы. – см.: Там же. С. 151, примеч. 3.

⁸⁶ См.: Хиго К. Ямато-то сйтэ-но яматай// Кодайси-кэнкю: яматай-коку. Токио, 1956. С. 15; Ishii R. A history of political institutions in Japan. P. 8.

восьмидесяти родичей, и они не выполняли повелений царя [Мимаки – Д.С.] [т.е. не подчинялись власти Ямато. – Д.С.] и не собирались покоряться ему”. Тогда царь [Мимаки. – Д.С.] послал туда Такзокуми – прародителя рода Хи-но-кими – и повелел ему покорить *цутикумо*. Такзокуми, выполняя приказ царя, покорил всех *цутикумо*... вернулся к царю и почтительно доложил ему: “Твой раб”, получив твое высочайшее повеление, покорил далеких западных *эбису* [кит. и]...”. И тут же, отмечая заслуги Такзокуми, [Мимаки] пожаловал ему почетный титул *хи-но-кими* [“повелитель области Хи”. – Д.С.], а также отдал эту местность под его управление...” [Хидзэн-фудоки, провинция Хи-но-мити-но-кути]. Как считает японский историк Иси Рёсёкэ, Северный Кюсю был покорен Ямато именно в это время – при Мимаки⁸⁸. Исследователи оценивают все эти события однозначно как начало расширения земель Ямато⁸⁹ (занимавшего первоначально только Кинай) и начало объединения всей Японии⁹⁰.

Насколько позволяет судить материал источников, при Мимаки началось формирование административно-территориальной системы управления: 1) во второй половине своего царствования Восточные области (яп. *куни*) (*Адзума-но куни*) были выделены в отдельную крупную административно-территориальную единицу (что-то типа “наместничества”), управлять которой был назначен человек по имени Тоёки [Нихон-сёки, св.5-й, Судзин, 48-й год пр., 4-й месяц; Nihongi, V, 16]; 2) существовало деление территорий на округа (яп. *мити* – досл. “дороги”)⁹¹ – например, “12 округов/дорог Коси”; 3) более мелкой единицей были *куни*, которые исследователи переводят как “провинция”⁹². Но если проанализировать материалы “Фудоки”, то оказывается, что древние *куни* были равны более поздним *уездам* (которые во второй половине VII века вошли в состав образованных провинций). То есть по размерам *куни* соответствовали территориальным общинам древности, которые во всех древних государствах являлись низшими административно-территориальными единицами, состоявшими из небольших соседских общин-поселений⁹³. Подобная же ситуация наблюдается и в Японии, где в древние *куни* входили *мура* – соседские общины-поселения; например, в “Хитати-фудоки” говорится: в древности “в то время [еще] не существовало [провинции] Хитати, а были провинции [куни. – Д.С.]: Ниибари, Цукуба, Убараки, Нака, Кудзи и Така, куда и были посланы *мияцукэ* и *вакэ*, которые управляли ими” [Хитати-фудоки, провинция Хитати]. Перечисляемые *куни* впоследствии стали уездами провинции Хитати. Причем из этого же источника известно, что Ниибари и Цукуба (бывшая *куни* Ки) были покорены еще при Мимаки [Хитати-фудоки, уезд Ниибари, уезд Цукуба]. Кроме того, покорение “разбойников *эбису* в Адзума” правитель Мимаки поручил военачальнику Хинарасу (отцу наместника *куни* Ниибари), а охрану пограничных районов восточных областей (*Адзума-но куни*) от бесчинствовавших здесь “разбойников *нисимоно*” – военачальнику Такэкаси (предку наместника *куни* Нака); 4) на захваченных территориях Мимаки начал создавать *агата* – владения правителя⁹⁴, причем первое такое владение (по “Хитати-фудоки”) было создано в *куни* Ки наместником Цукуба, по имени которого данный *агата* и получил свое название: *агата* Цукуба [Хитати-фудоки, уезд Цукуба]. Кроме того, там же есть очень интересное сообщение: “...в древние времена все *агата* на восток от гор Асигара, что в провинции Сагами, назывались Адзума-но куни” [Хитати-фудоки, провинция Хитати]. Таким

⁸⁷ Это не указание на социальный статус Такзокуми, а традиционное самоуничижительное именование подданных при обращении к правителю.

⁸⁸ Ishii R. Op. cit. P.8.

⁸⁹ См.: Конрад Н.И. Древняя история Японии. С.28.

⁹⁰ См.: Уэда М., и др. Нихон-кодай-си. С.167–168.

⁹¹ Kojiki. P.222, note 2.

⁹² См.: Древние фудоки. М., 1969.

⁹³ См.: История Древнего Востока. М., 1983–1986. Ч.1–2.

⁹⁴ См. сноску 35.

образом, Тоёки, назначенный управлять Адзума-но-куни (см. пункт 1-й), был управляющим царскими владениями в восточных *куни* (в районе совр. Токио).

В довершение своей попытки объединения Ямато и укрепления центральной власти в конце своего правления Мимаки удалось покончить с полунезависимым существованием владения Идзумо-но куни. Правитель Ямато воспользовался инцидентом внутри рода правителей Идзумо (Идзумо-но оми) – борьбой между старшим братом Идзумо-но фурунэ, связанным с Цўкуси, и его младшими братьями и племянником, настроенными проправительственно. Когда Идзумо-но фурунэ убил своего брата Иххи-ири-нэ, Мимаки послал войска под командованием Киби-цу-хйко и Такэ-ну-каха-вакэ (двух военачальников из “полководцев четырех дорог”) в общину Идзумо. Местный правитель Идзумо-но фурунэ был убит⁹⁵, а клан Идзумо-но оми в течение какого-то времени не исполнял культ великого бога Идзумо [Нихон-сёки, св.5-й, Судзин, 60-й год пр.; Nihongi, V, 17–18]. Видимо, род Идзумо-но оми был лишен правителем Ямато права управлять храмом и храмовым хозяйством Великого бога Идзумо.

Нестабильность внутреннего положения в Ямато вынуждала монархов больше заботиться о вооружении – в храмах богов Суми-дзака и Ё-дзака, то есть под защитой святилища, были созданы арсеналы (в каждом храме по восемьдесят (т.е. “много”?) щитов и копий) [Нихон-сёки, св.5-й, Судзин, 9-й год пр.; Nihongi, V, 8].

В правление Мимаки идет дальнейшее развитие государственности, признаком чего является, как считает М.В. Воробьев, появление налогообложения⁹⁶. Мимаки приписывается введение налогов и повинностей. После решения внутри- и внешнеполитических задач и установления мира в Центральной Японии он заявил: “Необходимо в данное время, вдобавок к этому, исчисление (кит. *цзяо*) народа. Приказываю ознакомить [его] со степенями стариков и детей (кит. *чжан-ю*) и очередностью налогов и повинностей (кит. *кэ-и*) у них” [Нихон-сёки, св.5-й, Судзин, 12-й 3 год пр., 3-й месяц; Nihongi, V, 15]⁹⁷.

В этом же году в девятом месяце “началось исчисление (кит. *цзяо*) народа” и, кроме того, установлены натуральные обложения и трудовые повинности (кит. *дяо-и*), которые получили названия “подати с концов лука мужчин” [и] “подати на кончики пальцев женщин” [Нихон-сёки, св.5-й, Судзин, 12-й год пр., 9-й месяц; Nihongi, V, 15]. В “Кодзики” содержится сходная информация: была впервые введена “подать на зарубки стрел мужчин” и “подать на кончики пальцев женщин” [Кодзики, св.2-й, Судзин; Kojiki, II, LXVII].

Исследователи по-разному оценивают эти сообщения источников. Одни, по причине удревленной хронологии “Нихон-сёки” (традиц. 89 г. до н.э.), считают, что в это время данное событие маловероятно⁹⁸, но указывают, что подати и налогообложение существовали в IV–V веках н.э.⁹⁹. Если же учесть осуществленную мной коррекцию хронологии “Нихон-сёки”, то правление Мимаки выпадает на 324–332 годы (испр.хрон.), и тогда введение налогообложения и повинностей должно было приходиться на конец 20-х годов IV в. н.э., что кажется вполне приемлемым.

Многие исследователи допускают возможность данного налогового мероприятия¹⁰⁰, так как есть упоминание о том, что при Нинтоку налоги были отменены сроком на три года [Нихон-сёки, св.11-й, Нинтоку, 4-й год пр.; Nihongi, XI, 9–11; Кодзики, св.3-й, Нинтоку; Kojiki, III, CXXI]. Следовательно, указывают ученые, до Нинтоку налогообложение сущест-

⁹⁵ См.: *Reischauer R.K. Early Japanese history*. P.118.

⁹⁶ См.: *Воробьев М.В. Япония в III–VII веках*. С.169–170.

⁹⁷ См.: Там же. С. 170; *Конрад Н.И. Древняя история Японии*. С. 28.

⁹⁸ См.: Там же.

⁹⁹ *Воробьев М.В. Указ.соч.* С. 170.

¹⁰⁰ См.: Там же; *Asakawa K. The early institutional life of Japan*. NY., 1963. P. 94.

¹⁰¹ Дзусэцу-нихон-сёмин-сэйкацу-си. Токио, 1962, т.1. С.75; *Исимода Сё. Нихон-но кодай-кокка*. Токио, 1971. С. 304; *Asakawa K. Op.cit.* P. 93; *Конрад Н.И. Очерки истории культуры средневековой Японии*. М., 1980. С.11; *Конрад Н.И. Древняя история Японии*. С.28, 50, 51; *Воробьев М.В. Указ.соч.* С.170.

вовало¹⁰¹. Расходятся исследователи лишь в трактовке термина *мицуги* (кит. *дяо*): 1) “дары”¹⁰²; 2) “дань”¹⁰³; 3) *tribute* (“дань, подношение”) ¹⁰⁴; 4) дань, переходящая в подать¹⁰⁵; 5) налог¹⁰⁶.

Сам китайский иероглиф *дяо* (яп. *мицуги*) имеет значения “дань; обложение натурой (особенно – тканями)”¹⁰⁷. Но в тексте “Нихон-сёки” в сообщении о введении налогов использованы два иероглифа: *дяо-и*, означающие “натуральные обложения и трудовые повинности”, а значение “дань” не фигурирует¹⁰⁸. Исследователи, отталкиваясь от названий податей, достаточно однозначно определяют их содержание: добыча охоты¹⁰⁹ и рыбной ловли¹¹⁰ для мужчин и изделия ручной работы¹¹¹ (ткани¹¹²) для женщин, подчеркивая, что речь не идет о налоге зерном¹¹³, содержание податей “архаично”¹¹⁴, что вполне согласуется со значениями иероглифа.

Без особых проблем решается вопрос и о трудовой обязанности (яп. *этапи*; кит. *и*). Её существование признается многими учеными¹¹⁵. Причем Н.И. Конрад отмечает, что впервые *этапи* упоминается в связи с похоронами Ямато-тото-хи-момо-со-бимэ, тетки Мимаки с отцовской стороны, являвшейся в его правление жрицей бога О-моно-нуси/ О-куни-нуси. Тогда за один день был построен могильный курган. Для его возведения был собран народ¹¹⁶ в таком количестве, что для передачи камней люди выстроились в цепочку от горы до могилы. Это событие предшествовало официальному введению *этапи* правителем Мимаки [Нихон-сёки, св.5-й, Судзин, 10-й год пр., 9-й месяц]. Судя по позднейшим употреблениям терминов *мицуги* и *этапи* были налогообложением и трудовой обязанностью общины.

Как указывает М.В. Воробьев, на *этапи* население трудилось при прорытии оросительных и судоходных каналов, при копке водохранилищ и прудов, при насыпке курганов, строительстве крепостей и кораблей, то есть на общественных работах с привлечением большого числа людей, а также при строительстве походных резиденций и дворцов правителей, храмов, царских мавзолеев¹¹⁷.

Часть этих работ упомянута еще при Мимаки: а) насыпка кургана Ямато-тото-хи-момо-со-бимэ, жрицы из царского рода (см. выше); б) в правление Мимаки по особому императорскому указу каждая *куни* обязана была строить корабли – это *куни* начали выполнять через три месяца после приказа [Нихон-сёки, св.5-й, Судзин, 17-й год пр.; Nihongi, V, 16]; в) кроме того, как и все древневосточные *номархи* и *энси*, в конце своего правления Мимаки организовал большие работы по развитию ирригации [Нихон-сёки, св.5-й, Судзин, 62-й год пр.; Nihongi, V, 32; Кодзики, св.2-й, Судзин; Kojiki, II, LXVII].

Консолидация режима Ямато при Мимаки после периода разброда “восьми правителей” [316–324 гг. испр. хрон.], укрепление государственности и центральной власти,

¹⁰¹ См.: Воробьев М.В. Указ.соч. С.169-170; Asakawa K. Op.cit. P.93.

¹⁰² См.: Конрад Н.И. Очерки... С.11.

¹⁰³ См.: Конрад Н.И. Древняя история Японии. С.28; Воробьев М.В. Указ.соч. С.170.

¹⁰⁴ См.: Asakawa K. Op.cit. P.93; Aston W.G. в своем переводе Nihongi. Part I. P.224.

¹⁰⁵ Конрад Н.И. Указ.соч. С.51.

¹⁰⁶ См.: Там же. С.28; Nihongi. Part I. P.224, note 2.

¹⁰⁷ См.: Большой китайско-русский словарь. М., 1983, Т. 3. С. 270 (далее: БКРС).

¹⁰⁸ См.: Там же.

¹⁰⁹ См.: Nihongi. Pt 1. P.224, note 2; Конрад Н.И. Древняя история Японии. С.28, 50.

¹¹⁰ См.: Конрад Н.И. Указ.соч. С.51.

¹¹¹ См.: Nihongi. Pt. 1. P. 224, note 2; Конрад Н.И. Древняя история Японии. С. 28, 50.

¹¹² См.: Конрад Н.И. Указ. соч. С. 28.

¹¹³ См.: Там же. С. 50; Воробьев М.В. Указ.соч. С.170.

¹¹⁴ См.: Воробьев М.В. Указ.соч. С.170.

¹¹⁵ См.: Asakawa K. Op.cit. P.93; Воробьев М.В. Указ.соч. С. 170; Конрад Н.И. Очерки... С. 11; Конрад Н.И. Древняя история Японии. С. 51.

¹¹⁶ См.: Конрад Н.И. Древняя история Японии. С. 51.

¹¹⁷ См.: Воробьев М.В. Указ.соч. С.170; см.: Asakawa K. Op.cit. P. 93–94.

Консолидация режима Ямато при Мимаки после периода разброда “восьми правителей” [316–324 гг. испр. хрон.], укрепление государственности и центральной власти, а также расширение территории Ямато привели к усилению внешнеполитической активности древнеяпонского государства. В своем указе 12-го года правления монарх упоминает, что “пришли... переводчики разных племен”; но здесь, видимо, подразумеваются племена Японии, жившие за пределами территории Ямато [Нихон-сёки, св.5-й, Судзин, 12-й год пр.; Nihongi, V, 15]. В конце правления Мимаки [после 330 г. испр. хрон.] община-государство в Южной Корее (кор. кук; кит. го, яп. куни) Имна прислала посла Сонака Чильчжи с “данью” ко двору¹¹⁹ [Нихон-сёки, св.5-й, Судзин, 65-й год пр.; Nihongi, V, 19-20; Jinno-shotoki, I, Sujin, 73].

По сообщению “Нихон-сёки”, Имна располагалась через море от Цукуси (Северного Кюсю) на север на расстоянии 2000 *ли* (яп. *ри*) (столько же указано в “Вэй-чжи” при описании расстояния от Гоу-се (Кая) до Кюсю)¹²⁰. Таким образом, Имна-кук была в Южной Корее, как сказано в летописи, “на юго-запад от Керин” – (первоначального) названия общины-государства, ставшего ядром для формирования государства Силла, что говорит о древности сведений о посольстве из Имна [Нихон-сёки, св.5-й, Судзин, 65-й год пр.; Nihongi, V, 20]. Как указывает В. Астон, корейское название этого маленького государства было Карак (впервые упомянуто в 42 году н.э.), располагавшегося в юго-западной части современной провинции Кёнсандо, граница между Кара и Силла проходила по реке *Самлан-ган*¹²¹. В пользу того, что постоянные регулярные дипломатические связи Ямато были установлены с Кара, говорит и следующий аргумент, на что указывает Ю.М.Бутин: древние японцы называли Южную Корею словом Кара, которое обозначало название небольшого владения в районе Кымхэ. С этим владением японцы впервые установили отношения, и поэтому данное название распространилось на всю Южную Корею (такая ситуация в мировой истории не является уникальной)¹²².

Кроме того, в “Нихон-сёки” (в разделе Суйнин, 2-й год пр., 10-й месяц) цитируется анонимный источник, который сообщает, что незадолго перед смертью Мимаки в Японию прибыл Тонока-арасатын¹²³ (яп. Цунога-арасито), другое имя которого было Усаки-ари Чиль-чжи-канки¹²⁴, сын правителя Тхэ-кара (Великий Карак)¹²⁵. Тонока первоначально прибыл в Анато (Южный Хонсю, на берегу пролива между Кюсю и Хонсю), где остановился у местного правителя (др.-яп. *кими*; кит. *ван*) по имени Уцццу-хёко, заявлявшего, что, кроме него, здесь никаких правителей нет¹²⁶. Отсюда Тонока, не зная пути, двигаясь вдоль побережья Северного (Японского) моря через Идзумо, прибыл в Цунога (Цуруга), встав на якорь в заливе Кэби в Коси. И здесь он застал смерть Мимаки [332 г. испр.хрон.], поэтому поступил на три года на службу к правителю Икумэ (Суйнину) [Нихон-сёки, св.6-й, Суйнин, 2-й год пр., 10-й месяц; Nihongi, VII, 2–3].

Ряд исследователей считают, что можно отождествлять Сонака Чильчжи и Тонока-арасатын (или Усаки-ари Чильчжи-канки)¹²⁴, видимо, исходя из сходства имен и близости стран: Имна располагалась в нижнем течении реки Нактон-ган на территории прежних

¹¹⁹ См.: Aston W.G. Early Japanese history// Transactions of the Asiatic society of Japan. Yokohama, 1889, Vol.XVI. P.43; Sadler A.L. A short history of Japan. Sydney-London, 1946. P.26; Мори К. Нихон-синси. С.122-123.

¹²⁰ Расстояние 2000 *ли*, таким образом, означало около 200 км. Следовательно, древнеяпонские меры длины не совпадали с более поздними единицами измерения длины, то есть в данном случае 1 *ли* = 0,1 км, а не около 0,5 км.

¹²¹ См.: Aston W.G. Op.cit. P. 43.

¹²² См.: Бутин Ю.М. Корея: от Чосона к Трёх государствам. Новосибирск, 1984. С.156.

¹²³ В.Астон отмечает, что в разделе 23-го года правления Кэйтя упоминается слово *арасатын* (яп. *арасито*), которое являлось названием должности или титулом. – Nihongi. Pt 1. P.166, note 5.

¹²⁴ “Сйки” говорит, что *канки* был ранг в государстве Силла, равный японскому старшему 3-му рангу. – Ibid.

¹²⁵ См.: History of the empire of Japan. Chicago; Tokyo, 1893. P.38; Sadler A.L. Op.cit. P.26; Нихон-но кэнгоку. Токио, 1957. С. 47.

¹²⁶ См.: Sadler A.L. Op.cit. P.26; Нихон-но кэнгоку. С. 47.

“двенадцати общин-государств (кор. *кук*) Пёнхана, где Куя оформилось в Пон-Кая (район Кымхэ, у побережья); севернее в районе Коёнэ на основе общины-государства Миояма сформировалось государство Тэкая (или Тхэкая). Пон-Кая и Тэ-Кая затем объединились с другими общинами-государствами в районе нижнего течения Нактон-ган в федерацию Кая¹²⁷. Но можно предполагать, что Имна и Тхэ-кара (Тэ-кая) – это разные владения, тогда Сонака и Тонока окажутся разными людьми.

О дальнейшей судьбе посольства из Имна известно, что через три года, во 2-й год правления Икумэ (Суйнина), Сонака Чиль-чжи испросил разрешения вернуться в свою страну и вместе с подарками вану Имна (100 кусков красного шелка) отбыл в Южную Корею, но по дороге был ограблен людьми Силла, в результате возникла вражда Имна и Силла¹²⁸ [Нихон-сёки, св.6-й, Суйнин, 2-й год пр., 10-й месяц; Nihongi, VI,2].

Подобные же сведения излагаются и в анонимном источнике, цитируемом в “Нихон-сёки”, о Тонока из Тэ-кара (Тэ-кая): прослужив три года у Икумэ (Суйнина), испросил разрешения вернуться домой и вместе с красным шелком вернулся в свою страну. Силланцы, узнав о красном шелке, хранившемся на складе Тхэкара, собрали армию и захватили шелк, в результате чего началась вражда Тхэ-Кара и Силла¹²⁹ [Нихон-сёки, св.6-й, Суйнин, 2-й год пр., 10-й месяц; Nihongi, VI, 3-4]. Ряд японских историков указывают, что вражда Силла и Имна связана со спором о районе Сампамон¹³⁰, и по этой причине, услышав о “мудром правителе” (о новом сильном государстве), правитель Имна отправил посла в Ямато просить прислать полководцев на помощь против Силла¹³¹.

Некоторые исследователи, особенно корейские, отрицают возможность данного события (особенно их не устраивает поднесение “дани») отчасти по причине неточности хронологии “Нихон-сёки”¹³².

Ряд ученых предполагает, что эти сведения относятся к основанию японского владения в Южной Корее (часть исследователей датирует это даже 12-м годом правления Судзина¹³³, то есть когда “пришли переводчики разных племен”, часть – концом III века н.э.¹³⁴)¹³⁵. Территория Кара (Кая, Куя, Карак) с начала нашей эры традиционно входила в сферу влияния и интересов японцев (японское владение Гоу-се в Южной Корее по “Вэй-чжи”), и японское проникновение на юг Корейского полуострова могло быть облегчено ликвидацией китайской администрации в префектуре Лолан в 313 году¹³⁶.

Но существует и абсолютно противоположная точка зрения на данную проблему. Она заключается в том, что Япония была завоевана во II–III веках н.э.¹³⁷ или в конце III–начале IV века н.э.¹³⁸ выходцами из Южнокорейского владения Карак. Общая идея этой гипотезы следующая: наездники Восточной Маньчжурии, одинакового происхождения с *пуге* и *когуре*, двигаясь на юг со своей родины, завоевали Южную Корею.

¹²⁷ Lee Ki-baik. A new history of Korea. Seoul, 1984. P.40–41.

¹²⁸ См.: Aston W.G. Early Japanese historyю 3.42–43.

¹²⁹ History of the empire of Japan. P.38.

¹³⁰ См.: History of the empire of Japan. P.39.

¹³¹ См.: Ibid. P.37; Sadler A.L. Op.cit. P.26.

¹³² Рю Хакку. Проблемы ранней истории Кореи в японской историографии. М., 1975. С.10.

¹³³ См.: Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С.119.

¹³⁴ Конрад Н.И. Древняя история Японии. С.36–37.

¹³⁵ См.: Воробьев М.В. Указ.соч. С.119; Конрад Н.И. Указ.соч. С.28, 29, 36–37.

¹³⁶ Воробьев М.В. Указ.соч. С.111.

¹³⁷ Мори К. Нихон-синси. С.122–123; см.: Воробьев М.В. Указ.соч. С.65.

¹³⁸ См.: Вовин А.В. К вопросу об этногенезе японцев// Народы Азии и Африки. 1988. №4. С.92–93.

После краха их завоевания им пришлось затвориться в Имна (яп.Мимана). В первой половине IV века н.э. в правление Мимаки-ири-хйко (Судзина) они двинулись на Северный Кюсю (но политический центр в Кинай им удалось переместить лишь при Одзине в конце IV– начале V века н.э.)¹⁴⁰. Эта так называемая “теория завоевателей из Карака” опирается на сходство в мифологических сюжетах о “сошествии Ниниги” у японцев и “мифа о Тангуне” у древних корейцев; аналогичное предание существовало и в Южной Корее – в шести владениях Кара¹⁴¹. В качестве аргумента используется и титул “первоправителя страны”, которым обладал Судзин, – отсюда делается предположение, что, возможно, Судзин (первая половина IV века) и был в действительности первым правителем Японии¹⁴². В китайских летописях есть сообщения о пяти государях Японии (V век н.э.), которые просили у китайского двора подтвердить их титулы государей Японии и право на владения в Южной Корее, ссылаясь на положение, существовавшее в эпоху “трех хан” в Корее. Но, как указывает М.В.Воробьев, из истории известно о двух объединениях *хан* – о правителе Цинь (III век) и о выходе из дома Фууй (первая половина IV века). Смещенный правитель Цинь ушел из Махан до 280-го года н.э. и переселился в Пёнхан (Мимана). Возможно, как предполагают сторонники данной гипотезы, последний правитель Цинь и есть Судзин¹⁴³.

Во многом эти построения отталкиваются от прижизненного имени Судзина: Мимаки-ири-бико. В связи с тем, что иероглифическая запись имени различна в “Нихон-сёки” и “Кодзики”, то эта запись чисто фонетическая. Следовательно, нужно исходить из фонетического звучания, поэтому его имя раскрывается как “принц Мима”¹⁴⁴. Наиболее развернутую аргументацию этой точки зрения в российской историографии дал А.В. Вовин. По его мнению, компонент *-на* в топониме *Мима-на* легко отождествляется с компонентом *-на/-ра* (земля; страна), часто встречающимся в географических названиях древней Кореи. Следовательно, *Мима-* можно отождествить с *Мимана*. Компонент *-ки-* (в имени Мима-ки) имеет др.-яп. *-й-* второго сингармонического ряда, то есть *ки-ки*. Это позволяет отождествить слог *ки* с др.-яп. *кй* (крепость, город, огороженное место)¹⁴⁵. Аналогичное слово имелось и в древних языках Корейского полуострова (когурёском, раннем пэкчийском и языке Карака). По-видимому, в названии титула Судзина произошла замена слова *на* (страна, земля) на слово *ки* (город, крепость), что представляется типологически вполне вероятным (ср.: греч. *полис* – город-государство). Компонент *ири-* является 2-й основой глагола *иру* (приходить) и выполняет здесь определительную функцию. Тогда титул Судзина может быть истолкован, по мнению А.В. Вовина, как “принц (*бико/хйко*), пришедший из города Мима(на)”¹⁴⁶. Но Косё также имел имя “Мима-цу-хйко”, которое можно истолковать как “принц Мима-*(цу)*”, где *цу* может быть как компонентом названия, так и частицей родительного (притяжательного) падежа.

Остальные аргументы А.В. Вовина менее убедительны: 1) японские источники настаивают на автохтонности и древности императорской династии – в этом А.В. Вовин усматривает стремление составителей утаить истинные исторические факты, заменив их вымышленными, более соответствующими интересам императорского дома¹⁴⁷. Но, во-первых, нет никаких сообщений источников, которые бы подтвердили “теорию завоевания из Карака”;

¹⁴⁰ См.: Воробьев М.В. Указ.соч. С. 65, 66–67.

¹⁴¹ См.: Там же. С. 65.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же. С. 66.

¹⁴⁴ Там же. С. 65; Вовин А.В. Указ.соч. С.92; Б.Х. Чемберлэйн указывает, что *Мима* – это название местности или имя. – Kojiki. P.208, note 8.

¹⁴⁵ Яп. *ки*, кит. *чэнь* – крепость, укрепление; такой иероглиф использован в записи имени Мимаки (Судзина) в “Нихон-сёки”.

¹⁴⁶ Вовин А.В. К вопросу об этногенезе японцев. С.92.

¹⁴⁷ Там же.

во-вторых, бесосновательным выглядит стремление обвинить группу составителей “Кодзики” и “Нихон-сёки” в какой-то “злонамеренности”, и, кроме того, почему сообщение о завоевании страны должно скрываться и рассматриваться как нечто порочное. Например, династии Когурё и Пэкче не видели в этом ничего зазорного, и в источниках сообщается, что их основатели были выходцами из Пуё (кит. Фуюй); 2) А.В. Вовин считает, что во второй половине IV века японские войска под командованием правительницы Окинага-тарасихимэ (Дзингу) не могли захватить Мимана, так как, по мнению Дж. Грэйсона, в это время Япония уступала древнекорейским государствам в военном отношении¹⁴⁸. Но это не увязывается с сообщениями корейских источников о постоянных набегах японцев на полуостров с 50-го года до н.э., причем часто удачных. В то же время нет никаких сведений, что корейцы хотя бы раз высаживались на Японских островах и делали попытки захвата японской территории. Но Дж. Грэйсон, а вслед за ним и А.В. Вовин присоединяются к точке зрения, что выходцы из Мимана (или Карак, Кара, Кая) захватили Северный Кюсю, а затем основали государство Ямато. Таким образом, оказывается, что Мимана – не колония, а наоборот, метрополия¹⁴⁹. Но слишком “мелковата” оказывается метрополия для такой колонии. И самое главное: ни один источник, даже корейский, не сообщает о столь славном событии – здесь вроде бы ничего позорного для корейцев нет; 3) из всех народов Дальнего Востока наиболее близкими японцам лингвистически, антропологически и этнографически являются рюкюсцы. По данным глоттохронологии разделение японского и рюкюского языков произошло около 1500 лет назад, то есть приблизительно в IV веке н.э. (33 расхождения по словному списку Сводеша). Отсюда А.В. Вовин делает вывод, что японский язык появился на Северном Кюсю в IV веке н.э. С Северного Кюсю предки рюкюсцев ушли на юг, а предки японцев расселились по островам Кюсю, Хонсю, Сикоку и другим более мелким островам. В пользу говорит то, что диалекты Кюсю – промежуточные между диалектами рюкюского языка и западнояпонскими¹⁵⁰. Но этому находится и другое подтверждаемое источниками объяснение – “восточный поход Дзимму” [295–300 гг. испр.хрон.], когда часть населения ушла из Южного Кюсю в Центральную Японию. Кроме того, в качестве аргумента А.В. Вовин использует тот факт, что на островах Рюкю нет памятников *яёи*¹⁵¹, отсюда он делает вывод, что завоеватели из Карака в IV веке захватили острова Рюкю и стали предками не только японцев, но и окинавцев¹⁵². Но в этом случае завоевателей должно было быть очень много, чтобы их язык не исчез в местных языках, а наоборот – вытеснил у местного населения их родные языки. Как мне думается, это возможно при переселениях больших масс мигрантов, на что крошечная община Мимана не была способна; 4) родство древнеяпонского языка с когурёским языком и языком *Кара*¹⁵³. Но, как указывает сам А.В. Вовин, когурёские глоссы немногочисленны, а реконструкции слов языка Кара, сделанные корейским лингвистом То Сухый, не всегда корректны с точки зрения сравнительно-исторического языкознания и также немногочисленны¹⁵⁴. Кроме того, как я считаю, эти параллели можно объяснить тем, что на острова в середине I тысячелетия до н.э. переселились народы тунгусо-маньчжурского происхождения, бывшие предками как корейцев, так и японцев, а близость с языком Кара – еще к тому же давним соседством и древними связями японцев и жителей Кая (по “Вэй-чжи” – со II–III веков н.э.)

Но самый главный недостаток данной теории (и всех последующих, подобных ей) в том, что она не базируется на исторических источниках, а исходит из односторонней интер-

¹⁴⁸ См.: Там же.

¹⁴⁹ См.: Там же. С.93.

¹⁵⁰ См.: Там же.

¹⁵¹ См.: Там же.

¹⁵² См.: Там же.

¹⁵³ См.: Там же.

¹⁵⁴ См.: Там же. С.93–94.

претации лингвистического материала. И это признается и самими сторонниками данной теории: в “Нихон-сёки” и “Кодзики” об этом ничего нет, кроме сообщения о посольстве Со-нака Чильчжи¹⁵⁴. Поэтому гипотеза “завоевания из Карака” не имеет серьезных аргументов, а высказанные доводы можно объяснить и иным образом.

В ознаменование больших заслуг Мимаки, в прославление его правления он получил титул “первоправителя страны” [Нихон-сёки, св.5-й, Судзин, 12-й г. пр., 9-й месяц; Nihongi, V, 15; Кодзики, св.2-й, Судзин; Kojiki, II, LXVII; Хитати-фудоки, уезд Касима]. Причина столь большой значимости правления Мимаки и получения такого же титула, что и Каму-ямато-иварэ-бико (Дзимму), становится ясна, если понять ситуацию в Ямато перед вступлением на престол Мимаки и сущность периода “восьми правителей”. Когда государство, находившееся в состоянии напряженной внутривластной борьбы на протяжении многих лет [316–324 гг. испр. хрон.], фактически распавшееся на части, было вновь “собрано” и “замирено”, были восстановлены порядок и спокойствие именно благодаря талантам и старанию государя Мимаки. Для его современников это было фактически первое правление во вновь воссозданном едином государстве Ямато.

Вскоре после прибытия Со-нака Чильчжи Мимаки умер (по традиции – в 120 лет). Один из приближенных государя Икумэ (Суйнина), беседуя с ним о деяниях Мимаки, назвал правителя Мимаки “коротко жившим” [Нихон-сёки, св.6-й, Суйнин, 25-й год пр.; Nihongi, VI, 17], что косвенно подтверждает краткость его правления [324–332 испр.хрон.]. Мимаки был похоронен в кургане около дороги у Яманобэ (в провинции Ямато) [Нихон-сёки, св.5-й, Судзин, 68-й год пр, 12-й месяц; Nihongi, V, 20; VI, 2; Кодзики, св.2-й, Судзин; Kojiki, II, LXVIII]. Этот курган хорошо известен археологам – его общая длина составляет 242 метра¹⁵⁵. Вообще, как считают археологи, именно при Мимаки появляются в большом количестве огромные курганы *раннего кофуна*¹⁵⁶ и в начале IV века появляются квадратно-круглые курганы типа *дзэмпо-коэн-фун* (или “в виде замочной скважины”), которых *не было* в Китае и Корее¹⁵⁷ (что не подтверждает “теорию завоевания из Кара”).

Преемником Мимаки-ири-бико (Судзина) в год “Мидзуноэ-Тацу” (29-й год цикла) [332 год испр. хрон.] стал его третий сын от главной жены – Мимаки-химэ (или Мима-цу-химэ) по имени Икумэ (Суйнин), но это уже другая история¹⁵⁸.

¹⁵⁴ См.: Мори К. Нихон-синсн. С.122–123.

¹⁵⁵ См.: Кудзира К. Нихон-коку-тандзо-но надзо. Токио, 1978. С. 250; Уэда М. и др. Нихон-кодай-си. С. 137.

¹⁵⁶ См.: Уэда М. и др. Указ. соч. С.137; Светлов Г.Е. Колыбель японской цивилизации. М., 1994. С.22–23 (на С.23 – фотография кургана Судзина).

¹⁵⁷ Мацумото С. Сэйтё-цуси. Токио, 1978, Т.3. С.138.

¹⁵⁸ См.: Суровень Д.А. Проблемы царствования в Ямато правителя Икумэ// Античная древность и средние века. Екатеринбург, 1998. С.193–217.